18+

ТАТЬЯНА ПОСЫСАЕВА

ВСЕ ЭТИ ГОДЫ

Татьяна Посысаева

Все эти годы. Некоторые чувства не становятся прошлым

«Издательские решения»

Посысаева Т.

Все эти годы. Некоторые чувства не становятся прошлым /
Т. Посысаева — «Издательские решения»,

Они встретились слишком рано. И расстались на двадцать два года. За это время Лена создала семью, стала матерью и построила собственное дело. У нее была жизнь, в которой, казалось, прошлому уже не осталось места. Но однажды на переговорах о продаже своей разработки она вновь встречает Андрея — человека, которого так и не смогла забыть. Можно ли начать все сначала, когда между двумя людьми пролегла целая жизнь? И что делать, если прошлое неожиданно становится настоящим?

© Посысаева Т.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Переговоры 7
Глава 1 13
Глава 2 19
Глава 3 26
Глава 4 34
Глава 5 41
Глава 6 47
Глава 7 54
Глава 8 60
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Все эти годы Некоторые чувства не становятся прошлым

Татьяна Посысаева

© Татьяна Посысаева, 2026

ISBN 978-5-0071-5130-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тем, кто однажды отпустил, но так и не забыл.
Иногда между двумя людьми пролегает целая жизнь.
Но расстояние измеряется не годами.

Пролог

Переговоры

За семь минут до встречи я еще раз открыла файл с условиями сделки.

Не презентацию. Ее я знала почти наизусть. Мне нужно было проверить последнюю страницу, где под заголовком «Обязательные условия» стояли четыре пункта. Я записала их вчера вечером перед тем, как закрыть ноутбук и попытаться уснуть.

Оплата при передаче прав. Ограниченный срок моего участия после продажи. Обязательства перед действующими клиентами. Никаких ограничений на следующие проекты за пределами этого продукта.

Я прочитала список, закрыла файл и убрала телефон в сумку.

На обложке блокнота под большим пальцем осталось углубление: утром я еще раз обводила ручкой слово «срок». Мне хотелось продать продукт. Он вырос из маленькой таблицы, которую я когда-то сделала для своей команды, и теперь его обслуживание съедало больше времени, чем я могла ему дать. Но за столом напротив меня будут люди, для которых это одна из нескольких возможных покупок. Я не собиралась позволять им решить за меня, что можно уступить только потому, что сумма большая.

— Вам предложить кофе?

Девушка за стойкой приема смотрела на меня с той предупредительной улыбкой, которую я сама когда-то учила администраторов не держать слишком долго.

— Воду, пожалуйста.

Она подала мне маленькую бутылку. Крышка не поддавалась. Я попробовала еще раз, остановилась и положила бутылку рядом с ноутбуком. Не хватало только начать переговоры с мокрым рукавом.

В стекле за стойкой отражалась женщина с аккуратно убранными за уши темными волосами и слишком прямой спиной. Я ослабила плечи. Потом поправила воротник, хотя он и так лежал ровно. Когда мне было двадцать, я в таких случаях непременно спрашивала кого-нибудь, хорошо ли выгляжу. Сегодня спрашивать было некого, да и ответ мне не требовался.

Компания занимала два этажа. За стеклянной перегородкой люди сидели за одинаковыми столами, кто-то говорил в гарнитуру, кто-то стоял возле экрана с графиками. В нескольких метрах от меня двое мужчин обсуждали запуск, который снова перенесли. Один держал бумажный стаканчик за самый край, словно кофе давно остыл.

Обычное рабочее утро.

Мне было полезно это видеть. Последнюю неделю я мысленно превращала сегодняшнюю встречу в событие, после которого моя жизнь обязательно должна измениться. Здесь же люди опаздывали, искали зарядки и спорили о сроках.

Телефон коротко завибрировал.

Сын прислал фотографию забытого на кухне контейнера.

«Это твое или мне можно?»

Я ответила: «Тебе. Только разогрей».

Следом пришло сообщение от мужа: «Удачи. Напиши, как закончишь».

Я поставила сердечко и перевернула телефон экраном вниз.

В переговорную меня пригласили точно в назначенное время.

За столом уже сидели трое: руководитель направления, с которым мы переписывались последние две недели, финансовый директор и женщина из юридического отдела. Перед каждым лежала папка. Одно кресло оставалось свободным.

Я выбрала место, откуда было удобно видеть экран. Подключила ноутбук, проверила, открывается ли демонстрационная версия, и поставила воду слева, подальше от проводов.

Пока загружался файл, руководитель направления спросил, удобно ли мне будет сразу перейти к показателям. Я предложила сначала за две минуты показать, какую задачу решает система: без этого цифры легко принять за историю о чужих деньгах. Он согласился. Юрист подняла голову от блокнота. Когда он согласился, я выдохнула: теперь можно было начать с того, что считала важным я.

— Еще один коллега присоединится чуть позже, — сказал руководитель направления. — Можем пока начать.

Я назвала свое имя и кратко представила продукт.

Он помогал компаниям вести клиентские проекты: собирать заявки, распределять задачи, видеть задержки и понимать, на каком этапе теряются деньги. Таких систем было достаточно. Моя отличалась тем, что ее можно было запустить без нескольких месяцев настройки и отдельного человека, который объяснял бы сотрудникам, как в ней работать.

Сначала я создала ее для собственного бизнеса. Потом доступ попросили знакомые предприниматели. Один из них привел еще двух. К тому времени, когда я перестала называть разработку «нашим внутренним инструментом», у нее появились платящие клиенты и расходы, которые уже нельзя было оплачивать по остаточному принципу.

На экране открылся первый слайд.

— Я начну с показателей. Затем покажу рабочий сценарий, и после этого предлагаю перейти к условиям.

Финансовый директор кивнул. Юрист открыла блокнот.

Я успела рассказать о выручке и удержании клиентов, когда за спиной щелкнула дверная ручка.

— Добрый день. Простите, задержался.

Я узнала его прежде, чем подняла глаза.

Пальцы замерли на клавиатуре. На экране оставалась таблица, в которой я вдруг перестала понимать цифры.

Такого не могло быть.

Я повернулась.

Он стоял у двери, одной рукой придерживая ее, в другой держал тонкую темную папку. Темные волосы были коротко подстрижены, на висках появилась седина. Лицо стало суше, возле глаз обозначились морщины. Он поднял взгляд, и я увидела знакомые серо-голубые глаза. Раньше он смотрел прямо, будто заранее собирался возразить и только из вежливости давал мне договорить. Сейчас в его лице ничего нельзя было прочесть. Я торопливо искала несовпадения: другая линия плеч, незнакомые часы, строгая рубашка вместо той, в которой он когда-то ждал меня у выхода из общежития.

Он закрыл дверь.

Андрей.

Я отвела глаза первой.

— Мы только начали, — сказал руководитель направления. — Обсуждаем текущие показатели.

Он подошел к свободному креслу напротив меня. Положил папку на стол, но не сел сразу. Большим пальцем разгладил загнувшийся угол обложки.

— Андрей. Сооснователь компании.

Я услышала собственный голос:

— Добрый день.

И назвала свое имя второй раз за последние пять минут.

Он кивнул. Никакой улыбки, никакого вопроса. Только задержал на мне взгляд чуть дольше, чем требовалось для знакомства, и сел.

Я вернулась к экрану.

— Здесь показана динамика за последние двенадцать месяцев.

Курсор дрогнул. Я убрала руку с мыши и стала объяснять таблицу словами.

Двадцать два года.

Я знала, сколько их прошло. Иногда считала, хотя не понимала, зачем. Но сейчас это число ничего не объясняло. Человек напротив был незнакомым взрослым мужчиной, который имел право решать, сколько стоит моя работа. И я помнила, как он смеялся, когда мы бежали под дождем к остановке.

Тогда он держал над нами одну куртку, и мы оба все равно промокли. Мне захотелось спросить, помнит ли он это. Вместо этого я перевела указатель на следующий столбец таблицы. Я не знала, есть ли у него семья, как он живет и почему сидит именно здесь. Я знала только, сколько пользователей продлили подписку за год. Эти сведения сейчас были полезнее.

— Вы учитываете здесь только оплаченные подписки?

Вопрос задал финансовый директор.

— Да. Тестовые доступы исключены.

— А годовые платежи?

— Распределены по месяцам. В приложении есть разбивка по поступлениям.

Ответы возвращали меня к столу. Я знала эти данные. Проверяла их вместе с бухгалтером, сверяла выгрузки, исправляла ошибки. Нужно было только отвечать на то, о чем спрашивали.

Я открыла демонстрацию.

На несколько секунд система зависла. Обычно в такие моменты я шутила. Сейчас молча обновила страницу.

— Рабочий аккаунт? — спросил Андрей.

Я посмотрела на него.

— Демонстрационный. Клиентские данные я не использую на переговорах.

— Понял.

В его голосе не было ничего, кроме внимания к ответу.

Страница загрузилась. Я провела их по одному проекту: показала заявку, распределение задач, просроченный этап и расчет затрат. Руководитель направления подался к экрану. Юрист перестала писать и задала вопрос о правах доступа.

Я ответила, потом вернулась к сценарию. Не стала ускоряться, хотя хотелось поскорее закончить и выйти в коридор. Когда руководитель направления спросил, почему в отчете отдельно выделены задержки согласования, я привела пример клиента, который месяц считал виноватой команду, пока мы не нашли три письма, ожидавшие его собственного ответа. Он засмеялся и попросил показать этот отчет подробнее. Андрей не улыбнулся. Он записал что-то на листке поверх папки. Я поймала себя на желании увидеть его реакцию и повернулась к экрану.

Постепенно я снова начала слышать себя.

Когда демонстрация закончилась, финансовый директор открыл папку.

— Мы подготовили предварительную структуру предложения.

Он развернул ко мне лист с таблицей. В первой строке стояла сумма, которую мы обсуждали по телефону. Я задержала на ней взгляд, потом прочитала следующие пункты.

Шестьдесят процентов при закрытии сделки. Остальное через год, при достижении установленных показателей. Передача исключительных прав. Мое обязательное участие в интеграции в течение двенадцати месяцев. Ограничение на создание похожих решений сроком на три года.

Я перечитала последний пункт.

Финансовый директор что-то говорил о потенциале роста внутри их компании. Я дождалась, пока он закончит.

— В таком виде я не готова обсуждать продажу.

Он поднял глаза.

— Что именно вас не устраивает?

— Зависимость сорока процентов цены от результатов после передачи продукта. Решения о продвижении, бюджете и сроках интеграции будете принимать вы. Но риск по оплате останется у меня.

— Для подобных сделок это обычная практика.

— Я понимаю логику. Но ваши показатели включают выручку от клиентов, которых должна привести ваша команда. Я не смогу отвечать за ее работу.

Юрист придвинула к себе лист.

— Можно уточнить формулировку показателей.

— И саму структуру оплаты, — сказала я. — Если часть цены остается отложенной, основания для ее выплаты должны быть измеримыми и находиться в пределах моей ответственности.

Когда я заговорила о структуре оплаты, Андрей перестал делать пометки. Я заметила это краем глаза, но не повернулась.

Мне захотелось проверить выражение его лица. Понять, удивлен ли он. Узнал ли. Но я продолжила:

— Второй вопрос: год обязательного участия. Вы покупаете продукт или предлагаете мне работу?

Руководитель направления улыбнулся.

— Нам важно сохранить вашу экспертизу. Вы лучше всех знаете систему.

— Поэтому я готова обсудить переходный период. С конкретными задачами, количеством часов и отдельной оплатой. Двенадцать месяцев без этих ограничений я принять не могу.

— Что вы предлагаете вместо?

На этот раз спросил Андрей.

Я повернулась к нему.

Он сидел спокойно, чуть откинувшись в кресле. Папка перед ним так и оставалась закрытой.

Когда-то мне нравилось спорить с ним, даже если предмет спора был пустяковым. Он быстро соображал и еще быстрее находил слова. Теперь мы оба следили за каждым ответом, а между нами лежал лист, от которого зависел следующий год моей жизни.

— Три месяца на передачу документации, обучение команды и согласованные работы по интеграции. Дальше, если потребуется, отдельный договор.

Он несколько секунд думал.

— Трех месяцев может не хватить.

Я почувствовала, как напряглись плечи.

— Тогда сначала нужен план интеграции. Сейчас вы предлагаете мне согласиться на срок, не определив объем работы.

Он наклонился вперед.

— Часть зависимостей станет понятна только после технического аудита.

— Согласна. Его можно провести до подписания окончательных условий.

Он задержал на мне взгляд. На секунду мне показалось, что сейчас он скажет что-то совершенно не относящееся к аудиту. Я прижала пальцем край листа, который загибался вверх. Андрей отвернулся к руководителю направления.

— Сможем подготовить перечень вопросов к аудиту на этой неделе?

— Да.

— Хорошо. — Он снова посмотрел на меня. — Продолжайте.

Я положила лист на стол.

— И ограничение на следующие проекты. Ваша формулировка слишком широкая. Под нее может попасть практически любой сервис для бизнеса. Я готова обсуждать прямую конкуренцию с проданным продуктом. Но не запрет на свою профессию.

В комнате стало тихо.

Я взяла бутылку и наконец открыла ее. Сделала один глоток. Пока закручивала крышку, заметила, что руки больше не дрожат.

Я вспомнила, как дважды тренировала эту часть разговора перед зеркалом: объясняла самой себе, почему три года запрета означают для меня больше, чем строка в договоре. Тогда собственный голос казался неубедительным. Сейчас я говорила ровно и не искала подтверждения ни в чьем лице.

Финансовый директор постучал ручкой по краю папки.

— Если убрать эти условия, нам придется пересмотреть цену.

Еще вчера я боялась услышать эти слова и поспешно согласиться, пока предложение не исчезло.

Я посмотрела на сумму еще раз.

— Тогда пришлите новую структуру предложения. Я сравню варианты.

Он отложил ручку.

— Вы понимаете, что сейчас речь не только о стоимости разработки? Мы даем продукту доступ к гораздо большему рынку.

— Да. Это сильная сторона вашего предложения. Но действующий бизнес у меня уже есть. Мне нужно понимать, что я получу взамен, включая обязательства после продажи.

Андрей опустил взгляд на лист. Взял его, прочитал несколько строк, потом передал юристу.

— Подготовьте варианты по оплате и ограничениям. Переходный период обсудим после плана аудита.

Я ждала, что он скажет еще что-нибудь. Он лишь уточнил, какие документы моя команда сможет предоставить до конца недели.

Оставшиеся двадцать минут мы говорили о технических вопросах, клиентах и следующей встрече. Я записала сроки. Обещала прислать ответы, которые действительно могла подготовить. На два вопроса сказала, что мне нужно сначала поговорить с разработчиком.

Когда все начали вставать, я почувствовала усталость, словно встреча длилась несколько часов.

Я посмотрела на блокнот. В нем были записаны сроки, имена, вопросы к аудиту и ни одного слова о том, что произошло, когда открылась дверь. В другой день я похвалила бы себя за такую аккуратность. Сегодня она ничего не доказывала.

Юрист протянула визитку. Финансовый директор пожал мне руку. Руководитель направления задержался у двери, чтобы ответить на звонок, затем извинился и вышел в коридор.

Я отключила кабель от ноутбука. Не попала с первого раза в застежку чехла.

Андрей оставался у стола.

— Я покажу, где выход, — сказал он.

— Я помню.

Ответ получился резче, чем я хотела.

Он не двинулся.

Я медленно убрала ноутбук в сумку. Положила сверху блокнот. Телефон лежал рядом с бутылкой, и мне пришлось вернуться за ним.

Можно было поблагодарить за встречу и уйти. Написать мужу. Позвонить разработчику. Доехать до офиса и заняться тем, что еще утром казалось главным.

Я подняла глаза.

— Ты меня узнал?

Он ответил сразу:

— Да.

Я сжала ручки сумки.

— Когда?

— Как только увидел.

За стеклянной стеной прошла женщина с ноутбуком. Я проводила ее взглядом. Мне хотелось хотя бы на секунду смотреть на человека, с которым меня ничего не связывало.

— Я не знала, что ты работаешь здесь.

— Я понял.

— По моей реакции?

Он чуть кивнул.

Мне стало жарко. Значит, все-таки было видно. Пока я объясняла таблицу и возражала по условиям, он уже понимал, что со мной происходит.

— Я не искала информацию о тебе, — сказала я, хотя он ни о чем таком не спрашивал.

Андрей посмотрел на мои руки, потом снова на лицо.

— Нам не обязательно говорить сейчас.

Я почти согласилась. Уже повернулась к двери, когда заметила папку на столе. На наклейке было напечатано название моего продукта.

Я остановилась.

— А ты?

Он ждал продолжения.

— Ты знал заранее, кто придет на переговоры?

Андрей не ответил.

Из коридора донесся смех. Кто-то назвал номер другой переговорной. Я слышала, как гудит проектор, хотя экран уже погас.

Он положил ладонь на папку и убрал ее снова.

— Андрей.

Он посмотрел на меня.

— Да. Знал.

Я перестала держать сумку обеими руками и опустила ее на свободный стул.

— Как давно?

Глава 1
Билет в один конец

Я купила билет в день, когда он сказал, что без него я пропаду.

В кассе было душно. Передо мной женщина пересчитывала мелочь, прижимая локтем к груди коробку с тортом. За спиной кто-то кашлял. Я держала паспорт так крепко, что его край оставил на ладони красную полосу.

— До Москвы. На пятницу.

Кассирша назвала время и стоимость. Денег хватало. Я пересчитывала их дома трижды, но все равно полезла в кошелек, прежде чем ответить.

— Плацкарт остался. Верхнее боковое. Будете брать?

Я кивнула.

Она подвинула билет через узкое окошко. Обычный лист бумаги, теплый после принтера. Я проверила фамилию, дату, номер поезда. Потом еще раз дату.

Пятница. Послезавтра.

До этого Москва существовала в конверте с документами о поступлении, в списке вещей для общежития и в разговорах, которые я всякий раз откладывала. Теперь у нее появились время отправления и номер вагона.

Я вышла из очереди, прижала билет к обложке паспорта и только тогда заметила, что улыбаюсь. Впервые за несколько недель я думала о Москве без необходимости немедленно объяснять, почему мне туда нужно. Я не знала, кем стану после института. Зато помнила, как сидела вечером над вступительными заданиями и впервые за день переставала прислушиваться к телефону. Мне нравилось разбираться в том, что сначала не получалось.

Телефон завибрировал, когда я вышла из вокзала.

«Где ты?»

Я остановилась у ступеней. Большой палец уже лежал на кнопке ответа. Можно было сказать, что в магазине. Он спросил бы, в каком. Потом, что купила, почему так долго и зачем было идти одной. Я знала весь разговор до последней реплики.

Звонок оборвался. Почти сразу пришло сообщение.

«Трудно трубку взять?»

Я убрала телефон в сумку и пошла к остановке.

На соседней скамейке двое мальчишек ели мороженое. У одного оно стекало по запястью, и он смеялся, пока второй пытался оттереть ему руку бумажной оберткой. Я смотрела на них слишком долго. Мне захотелось купить такое же мороженое, самое дешевое, в вафельном стаканчике. Но автобус уже подъезжал.

Дома мама чистила картошку. На столе лежала газета, поверх нее росла кучка кожуры. Радио на подоконнике тихо спорило о погоде.

Я положила билет рядом с ее рукой.

Мама перестала двигать ножом.

— На пятницу?

— Да.

Она вытерла пальцы о полотенце, подняла билет и некоторое время читала его, хотя читать там было почти нечего.

— Нижних не было?

— Только боковое.

— Возьми кофту. Ночью в поезде бывает холодно.

Я села напротив. Мама вернулась к картошке, но теперь срезала кожуру слишком толсто.

— Ты ему сказала?

— Еще нет.

— Он придет?

— Наверное.

Она положила нож.

— Я могу остаться дома завтра.

Мне стало стыдно за то, что я почувствовала облегчение. Я хотела сказать, что справлюсь сама. Вместо этого спросила:

— А на работе?

— Разберутся.

Мама взяла одну из картофелин и положила обратно. В детстве она называла меня начальником экспедиции: я распределяла между соседскими детьми роли, рисовала планы поисков клада и сердилась, если кто-то уходил раньше, чем мы закончим. Последние месяцы она этого прозвища не употребляла. Я и сама перестала узнавать девочку, которая всегда первой предлагала, что делать.

— Ты рада? — спросила мама.

Я посмотрела на билет.

— Я пока боюсь больше, чем радуюсь.

— Это пройдет.

— А если я там никого не знаю?

— Узнаешь.

Она сказала это с такой спокойной уверенностью, будто речь шла о дороге до ближайшего магазина. Я знала, что она тоже боится. Просто сейчас нам обеим было полезнее слышать ее голос именно таким.

Мы долго сидели на кухне. Мама вспомнила, что надо купить пакетики чая в дорогу, потом заговорила о родственнице, которая когда-то потеряла паспорт в поезде. Я слушала и кивала. Билет лежал между нами, и ни одна не убирала его со стола.

Вечером я достала с антресолей дорожную сумку. На дне оказалась старая заколка и квитанция за ремонт обуви. Я вытряхнула их на кровать и начала складывать вещи.

Две пары джинсов. Свитер. Белье. Полотенце, которое мама купила специально для общежития. Оно было желтым, с кривоватым вышитым цветком.

Когда я открыла шкаф, первой на глаза попалась белая блузка.

Я надевала ее всего однажды. Он тогда встретил меня у подъезда, окинул взглядом и спросил, для кого я так вырядилась. Я рассмеялась, потому что решила, что он шутит. Потом мы полчаса простояли возле его машины. В гости так и не поехали.

На следующий день он принес цветы. Сказал, что просто слишком любит меня и иногда не умеет с этим справляться. Я поставила цветы в вазу и почувствовала себя виноватой за то, что накануне плакала.

Сейчас блузка казалась маленькой. Я сняла ее с вешалки, приложила к себе, проверила пуговицы. Сложила и положила в сумку.

В зеркале на дверце шкафа мои длинные темные волосы были растрепаны после целого дня беготни. Я собрала их в хвост, посмотрела на блузку и снова распустила. Мне захотелось надеть ее в Москве, в самый обычный день, без объяснений, для кого я старалась. Я взяла с кровати старую заколку, ту самую, что нашлась на дне сумки, и положила рядом с блузкой.

Телефон лежал на столе экраном вверх. За день набралось одиннадцать пропущенных звонков.

Я набрала его номер.

— Наконец-то, — сказал он вместо приветствия.

На заднем плане работал телевизор.

— Мне нужно тебе кое-что сказать.

— Где ты была?

— Я уезжаю в пятницу.

Телевизор стих.

— Куда?

— В Москву. Учиться.

Он выдохнул в трубку.

— Опять начинаешь?

— Я купила билет.

Повисла пауза. Я смотрела на желтое полотенце и гладила большим пальцем вышитый цветок.

— Ты сначала купила, а потом решила мне сказать?

— Да.

— Прекрасно. Очень красиво.

Я слышала, как он ходит по комнате. Скрипнула дверь.

— Мы же договорились, что ты останешься.

Мы не договаривались. Он говорил, что здесь тоже можно учиться, что Москве на меня плевать, что мои родители не смогут меня содержать. Я молчала, потому что каждый ответ превращался в новый спор. К концу разговора мое молчание стало нашим общим решением.

Когда пришло письмо о зачислении, он принес пирожные и первым сказал, что я молодец. В тот вечер я поверила, что мы все обсудим. Через неделю он спросил, часто ли я собираюсь приезжать. Потом, не останусь ли я там после учебы. Потом предложил найти институт поближе к дому. Каждый разговор по отдельности казался разумным. Вместе они постепенно превращали мой отъезд в поступок, за который мне следовало просить прощения.

— Я не останусь.

— Значит, все это время ты мне врала?

Я открыла рот и тут же закрыла. Хотелось объяснить, что я не врала. Что сама еще вчера не знала, смогу ли пойти на вокзал. Что боялась сказать ему раньше. Но тогда пришлось бы объяснять, почему боялась, и я уже слышала, как он ответит.

— Я больше не хочу быть с тобой.

Произнести это оказалось труднее, чем купить билет.

Он коротко усмехнулся.

— Из-за Москвы?

— Нет.

— А из-за чего?

Я смотрела на открытую сумку. Между свитером и джинсами торчал рукав белой блузки.

— Я устала все время оправдываться.

— Ну конечно. А я, значит, во всем виноват.

В коридоре прошла мама. Я услышала, как она остановилась у моей двери, потом ушла на кухню.

— Я не хочу сейчас спорить.

— А что ты хочешь? Сделать как тебе удобно и чтобы я молча это проглотил?

Я не ответила.

Он заговорил тише. Таким голосом он разговаривал со мной в первые месяцы, когда ждал после занятий и приносил горячий кофе в бумажном стаканчике.

— Послушай. Давай встретимся. Нормально поговорим. Я приеду.

— Не надо.

— Я уже одеваюсь.

— Пожалуйста, не приезжай.

Я закончила разговор и сразу выключила телефон. Потом сидела на кровати, держа его обеими руками. На черном экране отражалось окно.

Через двадцать минут во дворе остановилась машина.

Я узнала звук еще до того, как посмотрела вниз.

Он стоял у подъезда, засунув руки в карманы. Поднял голову к нашим окнам. Я отступила за край шторы.

Домофон зазвонил почти сразу.

Мама сняла трубку.

— Она не выйдет.

Я не слышала, что он ответил.

— Нет. Сегодня разговора не будет.

Она положила трубку и вошла ко мне.

— Сумку собрала?

Я покачала головой.

Мама села рядом, достала из сумки свитер и сложила его заново, рукавами внутрь.

— Так больше поместится.

Я показала ей конверт с документами.

— Паспорт положила отдельно. Копии здесь, фотографии для пропуска тоже. Адрес общежития записала в трех местах.

— В четырех, — сказала мама. — Я еще себе записала.

Я невольно улыбнулась. Она вытащила из кармана сложенный листок. На нем моим почерком были написаны телефоны приемной комиссии, железнодорожного вокзала и соседки, у которой можно было оставить ключ. Я составляла список для мамы, а она сохранила его так, словно это я отправляла ее в незнакомый город.

Я смотрела на ее руки. На сухую кожу возле ногтей, маленький ожог у запястья. Мне хотелось лечь к ней на колени, как в детстве, но я боялась, что тогда не встану.

Мы продолжили собирать вещи. Во дворе хлопнула дверца машины. Двигатель завелся не сразу.

Только когда звук окончательно стих, я заметила, что все это время сидела в обуви.

На следующий день я почти передумала.

Он прислал длинное сообщение. Я прочитала его утром, стоя в ванной. Он писал, что не спал, что без меня ему ничего не нужно, что я неправильно поняла его слова. В конце было: «Неужели у нас не было ничего хорошего?»

Хорошее было.

Он умел рассмешить меня, когда я злилась. Помнил, какие конфеты я люблю. Однажды весь вечер искал со мной потерянную сережку возле реки, хотя уже стемнело. Я вспомнила, как он сидел на корточках в траве и светил фонариком, а я смеялась и говорила, что она все равно дешевая.

Я перечитала сообщение. Начала писать: «Было. Я тоже…»

Стерла.

Я могла ответить честно и все равно не вернуться. Эта мысль удивила меня: до сих пор мне казалось, что если признать хорошее, придется отменить все плохое. Я хотела помнить тот вечер у реки. И белую блузку возле машины тоже. Мне больше не нужно было выбирать одно воспоминание вместо другого.

Вода из крана текла так долго, что зеркало успело запотеть. Я закрыла кран, положила телефон на стиральную машину и умылась холодной водой.

Потом вернулась в комнату и проверила документы. Паспорт, билет, бумаги для заселения. Все было на месте.

На столе лежал конверт с письмом из института. Я вынула лист, прочитала строку с моей фамилией и положила его обратно. Когда письмо пришло, я бегала по дому и искала маму, чтобы показать его первой. От той радости осталось совсем немного, но она никуда не исчезла. Я заметила это, пока застегивала конверт и выбирала для него место в сумке, где он не помнется.

В пятницу мама разбудила меня раньше будильника.

— Чай будешь?

Я сказала, что буду, хотя знала, что не смогу пить. На кухне пахло вареными яйцами и утюгом. Мама гладила мне футболку, которую я оставила на стуле.

Мы позавтракали почти молча. Она положила в пакет хлеб, яблоки и слишком много еды. Я попыталась вынуть половину.

— Там сутки ехать, — сказала мама и вернула все обратно.

— Если я все съем, доеду только до следующей станции, — сказала я.

— Так отдай соседям.

Я посмотрела на пакет с яйцами и яблоками.

— Ты уже решила, что я с ними подружусь?

— Нет. Но голодные люди охотнее знакомятся.

Мы засмеялись. За последние два дня мама почти не шутила, и этот короткий разговор оказался важнее завтрака.

Перед выходом я обошла комнату. Не потому, что хотела запомнить. Проверяла, ничего ли не забыла. На подоконнике лежал карандаш, под кроватью виднелся домашний тапок. Кровать без покрывала выглядела непривычно широкой.

Я взяла со стола чистую тетрадь. На обложке была синяя полоса, угол уже немного загнулся. Для чего она мне понадобится, я пока не знала.

На вокзал мы приехали за сорок минут до отправления.

Мама несла пакет с едой, я тащила сумку. Ручка резала ладонь. У вагона выяснилось, что я убрала билет слишком глубоко, и пришлось поставить сумку на асфальт, открыть ее и вытащить полотенце.

— Спокойно, успеваем, — сказала мама.

Проводница проверила документы, посмотрела на меня и вернула паспорт.

— Проходите.

Я подняла сумку на первую ступеньку, но осталась стоять внизу.

Мама поправила воротник моей куртки.

— Позвони, как доедешь.

— Позвоню.

— И если с общежитием что-то не так, сразу звони. Будем думать.

Я кивнула. Мы обнялись неловко, мешал пакет. Потом мама отставила его и обняла меня еще раз, крепче.

Я почувствовала знакомый запах ее крема и наконец заплакала.

— Ну все, — сказала она, хотя сама не отпускала меня.

В вагоне было тесно и жарко. Я нашла свое место, затолкала сумку под нижнюю боковую полку и взобралась наверх. В окне виднелась мама. Она держала в руках мое желтое полотенце.

Я забыла забрать его, когда искала билет.

Пришлось снова слезть, протиснуться мимо чужих чемоданов и добежать до тамбура. Мама уже стояла у ступеней.

— Вот растяпа, — сказала она и сунула полотенце мне в руки.

Мы обе засмеялись. Я вытерла лицо его краем.

Когда поезд тронулся, я стояла у окна в коридоре. Мама некоторое время шла рядом с вагоном. Потом остановилась. Ее куртка мелькнула между людьми, и я потеряла ее из виду.

Телефон завибрировал в кармане.

Его номер.

Я смотрела на экран, пока звонок не закончился. Сразу начался второй. Рядом кто-то пытался пройти с кипятком, и я прижалась к стене, пропуская.

Снаружи медленно проплывали гаражи. Потом склады, забор с облупившейся краской, пустырь.

Я выключила звук.

На своей полке я развернула полотенце и положила его под голову. Долго лежала, не снимая куртки. Колеса стучали подо мной, соседка внизу шуршала пакетом, где-то в вагоне ребенок спрашивал, скоро ли приедем.

Позже я достала тетрадь.

На первой странице написала адрес общежития и как добраться от вокзала. Ниже составила список того, что нужно сделать в понедельник. Подумала, добавила: «Купить кружку».

Соседка снизу осторожно постучала пальцем по краю моей полки.

— Ручка есть на минуту? Я номер дочери не записала, а телефон сейчас сядет.

Я протянула ей ручку. Она повторяла цифры вслух, пока записывала их на обороте чека. Потом подняла глаза.

— Вы тоже к своим едете?

— Нет. Учиться.

Она улыбнулась и вернула ручку.

— Тогда хорошей вам дороги.

Я положила ручку рядом с тетрадью. От простого вопроса мне стало легче: незнакомому человеку не потребовалось ни одного объяснения, чтобы принять мой ответ.

Телефон снова засветился. Пришло сообщение.

«Ты правда уехала?»

Я положила его на край полки и некоторое время смотрела на эти три слова.

Потом набрала: «Да».

Отправила, закрыла тетрадь и впервые за весь день сняла куртку.

Глава 2
Другая Москва

Москва. Двадцать с лишним лет назад.

В первый день я потеряла выход из метро.

На листке было написано: «Последний вагон из центра, из стеклянных дверей направо». Я прочитала это уже наверху, возле незнакомой улицы. Люди обгоняли меня с обеих сторон. Сумка сползала с плеча, и я никак не могла понять, откуда приехала: из центра или в центр.

Мама объясняла маршрут по телефону накануне. Я записала все, включая название магазина возле общежития. Магазина передо мной не было.

Телефон лежал во внутреннем кармане. Я достала его, посмотрела на время и убрала обратно.

Можно было позвонить домой. Но тогда мама спросила бы, добралась ли я, и пришлось бы сказать, что нет. Не потому, что случилось что-то страшное. Просто я стояла не на той стороне огромного города и уже была готова расплакаться.

Женщина с хозяйственной сумкой остановилась возле киоска.

— Извините, пожалуйста…

Я показала ей адрес.

Она внимательно прочитала, потом развернулась и указала на лестницу за моей спиной.

— Вам обратно в переход. На ту сторону. Там еще минут десять пешком.

Я поблагодарила и подняла сумку повыше.

В переходе я остановилась перед развилкой и чуть не пошла в прежнюю сторону. Потом посмотрела на указатель, пересчитала выходы и выбрала нужный. Наверху действительно обнаружился магазин из маминой инструкции. Я рассмеялась так неожиданно, что мужчина возле газетного киоска обернулся. Пока что моим единственным достижением в Москве было правильно перейти улицу. Но это достижение принадлежало мне.

В общежитии пахло краской, жареным луком и чем-то влажным. Женщина за столом проверила документы, выдала ключ и велела принести две фотографии для пропуска.

— Есть с собой?

— Есть.

Я открыла папку. Фотографии лежали в маленьком конверте, рядом с копией паспорта.

— Вот видите. А некоторые приезжают вообще без ничего.

Она прикрепила мою фотографию к бланку.

— Третий этаж. Комната в конце коридора. Лифт пока не работает.

На втором пролете я остановилась. Поставила сумку на ступеньку и разжала пальцы. Ручка отпечаталась на ладони.

Из открытой двери наверху донеслась музыка. Кто-то смеялся. Я постояла еще немного, потом взяла сумку обеими руками.

В комнате были две кровати, два стола и шкаф с разными ручками на дверцах. На одной кровати лежали джинсы, раскрытая косметичка и пакет с хлебом. Вторая была пустой.

Я села на край матраса.

Окно выходило во двор. Под ним мужчина в рабочей куртке выгружал из машины мешки. Он поднял голову, увидел меня и тут же отвернулся.

Я достала телефон.

— Мам, я доехала.

Мама спросила про комнату, соседку и дорогу от метро. Я сказала, что все нормально. Это почти соответствовало правде.

— Поела?

— Сейчас пойду.

— Не ходи далеко. Сегодня просто отдохни.

Я пообещала и закончила разговор.

На экране осталось непрочитанное сообщение.

«Ну что, довольна?»

Оно пришло еще утром.

Я смотрела на эти слова и слышала его голос. Он всегда так спрашивал, когда я делала что-то, чего он не одобрял. Если задерживалась с подругой. Если покупала вещь, которая ему не нравилась. Если пыталась закончить разговор раньше, чем он решал, что разговор закончен.

Мы расстались перед моим отъездом. Я сказала это несколько раз, потому что он каждый раз отвечал так, будто речь шла о ссоре, которую нужно переждать.

Здесь, в пустой комнате, мое решение показалось мне менее надежным, чем дома.

Я положила телефон на стол и начала распаковывать сумку.

Сначала поставила на подоконник книги. Потом переставила их: у окна было сыро, на страницах останутся пятна. Я злилась на себя за то, что занималась книгами вместо того, чтобы решить, отвечать ли на сообщение. Но когда на столе освободилось место для тетради, мне стало легче. Хотелось иметь хотя бы один угол, где все лежит так, как я сама решила.

Соседка появилась, когда я застилала кровать.

— О, ты уже здесь.

Она удерживала подбородком длинный батон и пыталась освободить руку от пакетов. Я подхватила один.

— Спасибо. Я Катя.

— Лена.

— Тебе сказали про фотографии? У меня нет. Сейчас придется искать, где делают.

Она положила батон поверх своих джинсов, посмотрела на свободную половину шкафа.

— Ты вещи туда складывай. Я вчера все свое убрала, чтобы не занимать.

Мы разобрали продукты. Катя купила чай, сыр и пакет печенья, которое почти целиком раскрошилось по дороге. Она высыпала кусочки в глубокую тарелку и предложила мне самые большие.

Я съела два.

— Издалека? — спросила она.

Я назвала город.

— У меня тетя недалеко оттуда живет. Только я ни разу не была.

Катя рассказывала легко, перескакивая с одного на другое. Про тетю, про вчерашнюю очередь, про девушку из соседней комнаты, которая привезла собственный утюг и теперь прятала его от всех.

Она не спрашивала, почему я приехала одна. Не пыталась выяснить, есть ли у меня парень. Когда я замолчала, тоже замолчала и стала разбирать пакеты.

Позже Катя потянулась за хлебом и сказала, что забыла его купить. Я показала на батон, который она положила на кровать.

— А это что?

— Это был мой план на ужин. Я уже успела про него забыть.

Мы разделили батон, нашли нож в ее чемодане и ели, сидя каждая на своей кровати. Катя предложила делить расходы на чай и сахар пополам. Я согласилась и записала сумму на обороте магазинного чека. Она заглянула через плечо.

— Ты всегда все записываешь?

— Когда боюсь забыть.

— А когда не боишься?

Я подумала и призналась:

— Все равно записываю.

Катя засмеялась. Мне понравилось, что она не стала спрашивать, чего еще я боюсь.

Вечером мы пошли за кружками.

Катя выбирала между двумя одинаковыми, различавшимися только цветом ручки. Я взяла белую. На дне стояла маленькая синяя точка, будто ее забыли закрасить.

В комнате я вымыла кружку, поставила на свой стол и долго не могла решить, куда убрать конверт с документами.

Ночью телефон завибрировал под подушкой.

Я нащупала его, заслонила экран ладонью, чтобы не разбудить Катю.

«Ты правда думаешь, что ты там кому-то нужна?»

Я прочитала сообщение. Потом еще раз.

Удалять не стала. Поставила телефон на беззвучный режим и положила в ящик стола.

Катя повернулась на другой бок.

— Не спишь?

— Нет.

— Я тоже. Здесь кто-то все время ходит.

В коридоре хлопнула дверь. По трубам прошла вода.

— Привыкнем, — сказала она.

Я лежала лицом к окну. Сквозь шторы виднелся свет от фонаря, и я пыталась различить на потолке его границу.

Утром мы опоздали.

Катя забыла пропуск, а я поверила, что до учебного корпуса действительно можно дойти за пятнадцать минут. У входа оказалось несколько дверей. Нужная была с другой стороны.

Мы сели в конце аудитории. Я открыла тетрадь, написала дату и имя преподавателя. Через десять минут выяснилось, что попали не на ту лекцию.

Катя ткнула меня локтем и прикрыла рот рукой.

Я старалась не смеяться. Чем сильнее старалась, тем хуже получалось.

Мы вышли, когда преподаватель отвернулся к доске, и почти бегом пошли по коридору. У лестницы пришлось остановиться: Катя уже не могла дышать от смеха.

— Зато теперь я знаю, что такое дифференциальное уравнение.

— Нет, не знаешь.

— Не знаю, — согласилась она.

Я смеялась вместе с ней. На нас оглядывались люди, и впервые за последние дни мне было все равно.

К вечеру я нарисовала на последней странице тетради схему: общежитие, метро, корпус, столовая. Возле каждой стрелки написала, сколько идти. Катя заглянула через плечо.

— Мне тоже такую сделай.

— Зачем? Мы же вместе ходим.

— Вдруг ты начнешь попадать на свои лекции, а я нет.

Я добавила на схему второй вход в корпус и поставила возле него большой крест. Катя взяла ручку и дорисовала рядом маленькую стрелку.

— Здесь мы сегодня обошли здание три раза.

— Два.

— Третий был мысленно.

Я оставила ее стрелку. К концу дня лист стал похож не на карту, а на запись нашего первого общего приключения. Я приколола его к стене возле двери, чтобы утром мы обе видели дорогу.

После ужина она ушла звонить домой. Я вернулась в комнату и села на кровать.

Телефон лежал в ящике, куда я убрала его ночью. Я достала его, проверила, не звонила ли мама.

От него пришли еще два сообщения.

В одном он спрашивал, когда я вернусь. Во втором писал, что может приехать.

Я начала набирать: «Не приезжай».

Остановилась. На экране было слишком мало места для всего, что хотелось сказать. А если сказать коротко, он снова ответит, что я веду себя как ребенок.

Я стерла текст.

В дверь постучали, и я вздрогнула.

— Лен, идем на кухню, — сказала Катя из коридора. — Там чайник есть.

Я посмотрела на свою кружку.

— Я не хочу есть.

— Я тоже. Просто чай.

Я взяла кружку и пошла за ней.

На кухне было открыто окно. Возле плиты девушка помешивала что-то в маленькой кастрюле. Двое парней спорили о том, кто последний брал сковородку. На подоконнике стоял чайник с крышкой другого цвета.

Катя сразу направилась к девушке.

— Ты фотографии сделала? Где?

Я осталась возле стола. Пакетик чая пришлось достать из кармана, он зацепился ниткой за ключ.

— Этот не трогай. Там ручка болтается.

Я подняла глаза.

Парень стоял у раковины и вытирал руки полотенцем. Темные волосы растрепались, будто он несколько раз провел по ним мокрой ладонью. Рукава темной футболки были влажными по краям. На столе возле него лежал нож и разрезанное яблоко.

Он показал на чайник, к которому я потянулась.

— Можно облиться. Сейчас другой принесу.

Я смотрела на него, забыв, зачем вообще протянула руку.

У него были серо-голубые глаза. Необычно спокойные для человека, который только что спорил со всеми из-за сковородки. Уголок рта чуть приподнялся, будто он ждал ответа и уже подозревал, что не дождется. Он не казался человеком, которому нужно произвести впечатление. И именно поэтому я не могла отвести взгляд.

— Мне немного, — сказала я.

— Кипяток от этого холоднее не станет.

Я почувствовала, что улыбаюсь.

Он вышел в коридор и вернулся с электрическим чайником. Поставил его на подоконник, проверил воду, включил.

Я могла уйти в комнату и вернуться через пять минут. Но осталась возле стола, хотя стоять там было неудобно: люди постоянно проходили к раковине.

— Ты недавно приехала?

— Вчера.

— Понятно.

— Что понятно?

Он посмотрел на кружку в моей руке.

— У тебя еще своя посуда. Через месяц будешь спрашивать, чья кружка свободна.

— Не буду.

— Посмотрим.

— А ты сам когда-нибудь спрашиваешь?

— Каждый день. У меня только один стакан, и он мне успел надоесть.

— Значит, дело не в том, сколько я здесь живу. Дело в твоем стакане.

Он задержался с ответом. Я сама удивилась, что ответила так быстро. Обычно с незнакомыми людьми сначала прислушивалась к себе, подбирала слова. Сейчас мне хотелось посмотреть, что он скажет дальше.

— Похоже на то, — произнес он. — Хотя кружки у соседей тоже лучше.

Катя повернулась к нам.

— Лена вчера из метро не с той стороны вышла.

— Ты тоже, — сказала я.

— Но я позавчера.

Парень засмеялся.

— Я в первый раз вообще на соседней станции вышел. Решил, что пешком быстрее.

— И быстрее? — спросила я.

— Нет. Зато город посмотрел.

Чайник щелкнул.

Он налил воду в мою кружку, потом в Катину. Себе взял толстый стакан без ручки.

Я сразу поняла, почему он ему надоел. На стекле была длинная царапина, от края до середины. Парень повернул стакан к себе другой стороной и заметил мой взгляд.

— Зато точно мой.

Я засмеялась. Он улыбнулся шире, и на несколько секунд пропали и шум кухни, и голос Кати возле плиты. Я видела только человека с горячим стаканом в руках и думала, что его улыбку хочется вызвать еще раз.

— Я Андрей.

— Лена.

— Я слышал.

Он кивнул в сторону Кати, и мне стало неловко, что я представилась повторно.

Но он уже подвинул ко мне тарелку с яблоком.

— Будешь?

Я взяла дольку.

Мы стояли возле подоконника. Катя говорила с девушкой у плиты, парни нашли сковородку в духовке и теперь спорили, кто ее туда поставил.

Андрей спросил, на каком я курсе. Оказалось, сам он учится здесь уже несколько лет. Назвал преподавателя, у которого лучше не пропускать занятия, и столовую, где после двух можно было купить выпечку дешевле.

— Все уже знают, — сказала я.

— Про выпечку?

— Что я новенькая.

— Ты держишь ключ так, будто его могут отнять.

Я посмотрела на свою руку. Ключ действительно был зажат между пальцами.

Убрала его в карман.

Андрей сделал вид, что не заметил.

Через минуту к нему подошел парень с мокрыми руками и спросил, удалось ли разобраться с его компьютером. Андрей ответил, что нашел неисправную деталь, но ему еще нужно договориться о замене. Говорил коротко, уверенно; тот сразу перестал повторять вопрос и вернулся к плите. Я заметила, что Андрей не принялся рассказывать о работе подробнее. Он повернулся ко мне, словно мы не прерывали разговор.

Чай был слишком горячим. Я держала кружку за ручку и чувствовала, как нагреваются пальцы.

— Ты почему Москву выбрала? — спросил он.

Я могла рассказать про институт. Про возможности, о которых говорили дома. Про то, что давно хотела сюда приехать.

— Хотела уехать, — ответила я.

Он посмотрел на меня, но ничего не спросил.

Я ждала вопроса. Даже приготовила ответ.

Андрей повернулся к окну.

— Если завтра пойдете через двор, там ворота утром закрывают. Лучше сразу по улице.

Я тоже посмотрела во двор.

И поняла, что мне не обязательно продолжать.

Я не сказала ему и другой правды: мне было интересно, на что я способна, когда рядом никто не подсказывает, где мне лучше остаться. Мы познакомились десять минут назад. Ему не нужно было знать ни об этом, ни о человеке, который продолжал писать мне сообщения. Но то, что Андрей оставил мне право промолчать, я запомнила.

Когда чай остыл, мы уже говорили о лекции, на которую попали утром. Андрей слушал Катю, потом повернулся ко мне.

— А ты откуда поняла, что не ваша?

— У нас в расписании другой предмет.

— Но десять минут сидела?

— Вдруг расписание поменяли.

Он рассмеялся. Я тоже.

— В следующий раз могу проверить расписание до входа, — сказала я.

— Скучно. Так у вас хотя бы появился повод убежать с лекции.

— У меня была уважительная причина: мы опаздывали на свою.

— Ты всегда находишь уважительную причину?

— Только когда она есть.

Он поднял брови, словно этот ответ ему особенно понравился. Я взяла еще одну дольку яблока и подумала, что впервые с приезда не считаю минуты до того, как можно будет уйти к себе.

Из кармана донеслась вибрация.

Я поставила кружку и достала телефон. Посмотрела на экран.

Андрей замолчал, давая мне ответить.

Я нажала кнопку сброса.

— Тебе не надо идти? — спросил он.

— Нет.

Он кивнул и вернулся к разговору.

Я слушала его и одновременно ждала нового звонка. Телефон молчал. Постепенно я перестала проверять его через ткань кармана.

Через некоторое время Андрей посмотрел на часы.

— Мне пора. Ребята ждут.

Он вымыл стакан, поставил сушиться и взял с подоконника ключи.

Я пожалела, что так долго говорила о чужой лекции. Можно было спросить что-нибудь другое. Хотя бы на каком он курсе. Я уже забыла цифру, которую он назвал.

— Вы завтра к первой? — спросил он у Кати.

— Да. Если опять ничего не перепутаем.

— Я в половине девятого выхожу. Можем вместе дойти.

— Мы раньше, — сказала Катя. — Мне еще в учебную часть.

Он посмотрел на меня.

— А тебе?

Я могла уйти вместе с Катей. Мы уже договорились утром идти вдвоем.

— Мне не нужно в учебную часть.

— Тогда внизу, возле входа. В половине девятого.

Я кивнула.

Он ушел. На кухне сразу стало слышнее, как шипит масло в сковородке.

Катя допила чай и посмотрела на меня поверх кружки.

— Ну вот. Уже дорогу нашла.

— Какую дорогу?

Она улыбнулась.

— К институту.

Я взяла тарелку с оставшимся яблоком и отнесла к раковине.

В комнате пришло новое сообщение.

«С кем ты там?»

Я села на кровать. Смотрела на экран, пока не погасла подсветка.

Рядом Катя перебирала документы для учебной части. Она попросила у меня ручку, и я достала ее из сумки.

Потом положила телефон на стол и поставила будильник на двадцать минут раньше.

Глава 3
Половина девятого

Я проснулась раньше будильника и некоторое время лежала неподвижно, прислушиваясь к комнате.

Катя спала на боку, подложив ладонь под щеку. За дверью кто-то шел в душ. В окно проникал серый утренний свет, и вещи, которые вечером казались чужими, понемногу приобретали свои места: ее кофта на спинке стула, моя сумка возле шкафа, две кружки на столе.

Я протянула руку к телефону. Новых сообщений не было.

Вчерашнее «С кем ты там?» все еще стояло последним. Я закрыла его и посмотрела на часы.

До половины девятого оставалось больше часа.

В ванной я дважды перекладывала расческу с полки на край раковины, пока соседняя девушка чистила зубы. Хотелось остаться одной и спокойно посмотреть на себя в зеркало. Проверить, не слишком ли видно, что я стараюсь.

Девушка ушла. В мутном зеркале мои синие глаза казались темнее после бессонной ночи. Я расчесала длинные волосы, собрала их, распустила снова.

Вчера я сказала Андрею только свое имя и причину, по которой выбрала Москву. Вернее, половину причины. Сейчас я волновалась, словно на прогулке до института он сможет узнать все остальное. Я умылась холодной водой. Захотелось проверить телефон, но он остался в комнате. Впервые за долгое время я решила не возвращаться за ним сразу.

Потом рассердилась на себя и вышла.

Катя уже сидела на кровати и искала носок.

— Он у тебя под подушкой, — сказала я.

Она подняла подушку.

— Как он туда попал?

— Ты вчера с ним спала.

— Значит, у нас серьезно.

Я засмеялась и стала складывать тетради в сумку. Катя посмотрела на мои распущенные волосы, но ничего не сказала. За это я была ей благодарна.

Мы выпили чай, стоя возле стола. Она торопилась и обожглась, потом допивала маленькими осторожными глотками. Я следила за часами и делала вид, что просто смотрю в окно.

— Мне пора, — сказала она наконец. — Если меня опять отправят за фотографиями, скажи преподавателю, что я скоро.

— А если не скоро?

— Все равно скажи. Так приятнее.

Дверь закрылась. Я осталась посреди комнаты с чашкой в руке.

Можно было спокойно сесть, допить чай и выйти через десять минут. Вместо этого я вымыла кружку, проверила сумку и спустилась вниз.

На часах у вахтерши было восемь двадцать пять.

Андрея возле входа не было.

Я остановилась у стенда с объявлениями. Прочитала про собрание старост, потом про замену пропусков. Несколько человек прошли мимо. При каждом шаге на лестнице я поднимала голову, потом снова принималась читать объявление.

— Привет.

Он стоял у лестницы, в расстегнутой куртке, с сумкой через плечо. Волосы с одной стороны еще были влажными.

— Привет.

— Давно ждешь?

— Только пришла.

Он посмотрел на часы.

— Я думал, ты передумаешь.

Он сказал это с улыбкой, но не совсем шутя. Я посмотрела на объявление, которое успела прочесть уже три раза.

— А я думала, что ты забыл.

— Я обещал показать дорогу. После вчерашнего мне нельзя подводить ваш маршрут.

— Ты еще и схему не видел. Я там все исправила.

— Тогда пойдем проверим, кто из нас лучше знает город.

— Пошли?

За дверью оказалось холоднее, чем я ожидала. Я застегнула куртку до подбородка. Андрей придержал дверь, дождался, пока я выйду, и пошел рядом.

Первые несколько шагов мы молчали.

Вчера на кухне разговаривать было легко: рядом сидела Катя, шумели чужие голоса, можно было в любую минуту заняться чаем. Теперь я слышала, как шуршит моя сумка о рукав, и никак не могла придумать первую фразу.

— Ты выспалась? — спросил он.

— Не очень.

— Из-за коридора?

— И из-за него тоже. А ты?

— Часа четыре.

— Что делал?

— Работал.

Я посмотрела на него.

— Ночью?

— Заказ надо было закончить. Ночью меньше мешают.

У перехода пришлось остановиться. Он сунул руки в карманы и чуть качнулся на пятках.

— Ты где работаешь?

— Пока где придется. Вчера компьютер приводил в чувство.

— Получилось?

— Да. Только человек теперь считает, что я должен еще научить его на нем работать. Желательно за те же деньги.

Он улыбнулся, но по голосу я услышала, что это его раздражает.

— А ты обещал?

— Нет.

— Тогда скажи ему.

Загорелся зеленый. Мы перешли дорогу, и Андрей ответил уже на другой стороне:

— Скажу. Сначала пусть заплатит за то, что я сделал.

Мне понравилось, что он работает. У нас дома взрослые часто говорили об учебе так, будто все остальное начнется только после диплома. Андрей, кажется, не собирался ждать.

Я хотела спросить, на что ему нужны деньги, но постеснялась.

— Дома работал? — спросила вместо этого.

— Начал еще до поступления. Знакомым, потом знакомым знакомых. Сейчас уже есть люди, которые звонят сами.

— Тебе нравится?

Он подумал.

— Когда понятно, что надо сделать, нравится. Когда звонят в десятый раз и говорят, что опять все сломалось, а сами просто вытащили провод, не очень.

Я засмеялась.

— Со мной такое может случиться.

— Тогда тебе покажу, где провод.

— А если я не захочу, чтобы мне показывали?

Он покосился на меня.

— Тогда подожду, пока сама спросишь.

Его ответ прозвучал легко. Я тоже улыбнулась, но запомнила его почти дословно. Рядом с Андреем мне хотелось соглашаться, спорить, задавать вопросы. Я пока не знала, удастся ли мне так же легко говорить «нет».

По тротуару навстречу шла женщина с двумя собаками. Одна резко потянула поводок, и нам пришлось обойти лужу с разных сторон. На несколько секунд мы разошлись, потом снова оказались рядом. Андрей подстроился под мой шаг.

— А ты кем хочешь быть?

Я слишком долго не отвечала.

— После института, — уточнил он.

— Я поняла.

Накануне я могла без труда перечислить все, что собиралась сделать в ближайшие дни. Получить учебники. Найти аудитории. Купить настольную лампу. Узнать, где можно распечатать документы. На вопрос про жизнь после института у меня такого ответа не было.

— Пока не знаю, — сказала я.

— Совсем?

— Хочу сначала понять, что здесь умею.

— А что ты уже умеешь?

Я пожала плечами.

— Если надо что-то организовать, обычно меня зовут. Поездку, чужой день рождения. Найти, договориться, посчитать, чтобы денег хватило.

— И тебе это нравится?

— Когда потом все получается.

— А пока не получилось?

— Тоже. Только я в этот момент злая.

Он рассмеялся, и я наконец перестала думать, куда деть руки.

— Значит, будем осторожны.

— Лучше сразу приносить точные цифры.

— Запомню, — сказал он. — Хотя мы знакомы меньше суток, а у меня уже список требований.

— Всего одно.

— Пока.

Он переступил через лужу и протянул мне руку. Я могла обойти ее по сухому месту, но взялась за его ладонь. На другой стороне отпустила не сразу. Андрей тоже не торопился, и только у входа в институт мы одновременно вспомнили, что идем среди людей.

У входа в институт стояла небольшая очередь. Пока Андрей доставал пропуск, с ним поздоровались двое ребят. Один хлопнул его по плечу и спросил, будет ли он вечером.

— Если успею, — ответил Андрей.

Они перебросились еще несколькими словами. Я отошла к стене, чтобы не мешать проходу. Он договорил и сразу повернулся ко мне.

— У тебя какая аудитория?

Я достала сложенный листок с расписанием.

— Триста двенадцатая.

Он наклонился посмотреть. Его плечо на мгновение коснулось моего. Я удержала листок обеими руками, хотя он и так никуда не падал.

— Третий этаж. Направо, потом до конца. У нас в другом крыле.

— Спасибо.

Я убрала расписание.

Мне хотелось, чтобы он сказал еще что-нибудь. Он поправил ремень сумки.

— Ты во сколько заканчиваешь?

— Сегодня в три.

— Я примерно так же. Можем кофе выпить.

— Я кофе почти не пью.

— Тогда чай.

— Можно.

— Здесь в три десять?

Я кивнула.

Он пошел по коридору. Я некоторое время смотрела ему вслед, потом вспомнила про третий этаж.

На первой паре я открыла тетрадь не с той стороны. Преподаватель начал говорить, и я быстро перевернула ее, прижимая ладонью обложку.

Катя пришла через несколько минут, села рядом и молча положила передо мной пропуск. Фотография на нем была та самая, которую она считала ужасной.

— Получила, — прошептала я.

— Ценой достоинства.

Я прикусила губу, чтобы не засмеяться.

Постепенно я втянулась в объяснение. К концу пары страница была заполнена, и рядом с одной строчкой я поставила вопросительный знак. Мне нужно было разобраться с ней дома. Впервые с приезда Москва состояла для меня из чего-то еще, кроме дверей, которые надо найти, и людей, у которых надо спросить дорогу.

На перемене телефон снова завибрировал.

Я вышла из аудитории и открыла сообщение.

«Я могу приехать в выходные. Поговорим нормально».

Несколько секунд я смотрела на эти две фразы. Потом набрала:

«Я не вернусь. Не приезжай».

Перечитала. Очень захотелось добавить, что мне нужно время, что дело не только в нем, что мы оба потом все поймем. Я знала, как написать так, чтобы он хотя бы ненадолго перестал злиться.

Рядом открылась дверь. Из аудитории вышли ребята, заговорили у окна. Кто-то попросил передать конспект.

Я отправила сообщение, убрала телефон в сумку и вернулась к Кате.

На следующей паре мне пришлось дважды перечитать одну и ту же строчку.

К трем часам я устала. В буфете мы с Катей съели по бутерброду, потом она решила зайти в библиотеку. Спросила, иду ли я с ней.

— Я с Андреем договорилась.

Она посмотрела на меня внимательнее.

— А. Тогда я сама.

— Мы просто чай выпьем.

— Я ничего не сказала.

У выхода он уже ждал. Стоял вполоборота к двери и говорил по телефону.

— Нет, сегодня не смогу. Завтра вечером.

Я остановилась в нескольких шагах. Андрей заметил меня, поднял ладонь.

— Потому что договорились на завтра. Да, я помню.

Он слушал, глядя в пол. Потом коротко сказал:

— Ладно, перезвоню.

Спрятал телефон.

— Пошли. Тут недалеко есть место.

Он двинулся к двери, а я задержалась, застегивая сумку. Обернулся уже на ступеньках.

— Ты чего?

— Сейчас.

Пока я подходила, он посмотрел в сторону дороги. Было видно, что мыслями он еще в разговоре. Я почувствовала себя лишней и приготовилась сказать, что могу пойти домой.

— Прости, — сказал он, когда я спустилась. — Меня человек поймал. Никак не договоримся.

— Тот, с компьютером?

— Другой. Сегодня их много.

Он выдохнул, улыбнулся мне и убрал телефон в застегнутый карман.

В кафе оказалось всего четыре столика. У окна сидела женщина с книгой, возле стойки пахло горячим тестом. Я долго рассматривала список чая, хотя в нем было три названия.

Андрей заказал кофе и спросил, буду ли я что-нибудь есть.

— Я недавно ела.

— А я нет. Ты не против, если я возьму?

— Конечно.

Он взял пирог. Я заплатила за свой чай и села у окна. Андрей принес чашки на подносе и на секунду остановился, глядя на мой стул. Наверное, собирался сесть туда сам. Потом поставил поднос и устроился напротив.

Здесь я могла рассмотреть его как следует. Небольшую царапину на руке. Темный след от ручки возле большого пальца. То, как он сначала отломил кусочек пирога, а потом передумал и взял вилку.

— Что? — спросил он.

Я отвела глаза.

— Ничего.

— У меня что-то на лице?

— Нет.

Он улыбнулся и опустил взгляд к тарелке. Мне показалось, что он тоже немного смутился.

— Ты вчера сделал вид, что не заметил, как я держу ключ, — сказала я.

Андрей отложил вилку.

— А ты заметила, что я сделал вид.

— Было трудно не заметить. Ты сразу заговорил про другое.

— Я решил, что так лучше.

— Наверное, так и было.

Он не стал спрашивать, почему я сжимала ключ. Я сама не была готова отвечать, но мне понравилось, что он услышал и эту часть моего ответа. Когда принесли горячую воду для чая, Андрей молча подвинул чайник ближе ко мне, а не стал разливать по чашкам за двоих.

Я спросила про институт, и мы заговорили о преподавателях. Он рассказывал, кого стоит слушать особенно внимательно, а на чьих занятиях лучше не садиться в последний ряд. Я возразила, что с последнего ряда удобно все видеть.

— Особенно как преподаватель идет к тебе, — сказал Андрей.

Потом он спросил про мой город. Я рассказала про маленькую реку, где мы купались летом, про остановку возле дома, про магазин, в котором продавщица знала мою маму и могла передать через меня сдачу за вчерашний хлеб.

— Скучаешь?

— По некоторым вещам.

— По реке?

— И по маме.

— Она до сих пор считает, что я не найду общежитие без ее инструкции. Вчера проверяла, ела ли я.

— Ела?

— С Катей. Катя купила батон и забыла, что купила его.

Андрей засмеялся. Я рассказала про схему на стене и нашу чужую лекцию, на которой мы задержались на десять минут. Он попросил нарисовать ему ту самую карту на салфетке. Я нарисовала общежитие, корпус, метро и большой крест возле неправильного входа.

— А здесь что? — спросил он, указав на кривой кружок.

— Столовая. Я пока не решила, можно ли ей доверять.

— Завтра проверим. Но в твоей схеме кое-чего нет.

Он поставил точку возле улицы, по которой мы пришли.

— Кафе.

Я подписала ее, стараясь вывести буквы ровно. Когда подняла глаза, Андрей смотрел не на карту.

Я сказала, что мама наверняка попросит прислать ей эту карту. Андрей кивнул.

— Я первое время звонил домой каждый вечер. Потом реже. Мама обижалась.

— А сейчас?

— Сейчас сам звоню. Когда что-нибудь случается.

Я провела пальцем по ручке чашки.

— Хорошее?

— Разное.

Его кофе давно закончился. Он заглянул в чашку, словно надеялся найти еще глоток, и отставил ее.

— Хочется уже заняться чем-нибудь своим, — сказал он. — Чтобы самому решать, за что браться. Собрать ребят, делать вместе. У меня знакомый хорошо пишет программы, но он считает, что сначала надо устроиться куда-нибудь на нормальную зарплату.

— Может, ему нужны деньги.

— Мне тоже нужны.

— Значит, вы можете работать и пробовать.

— Если после работы останутся силы.

Я подумала о его четырех часах сна.

— А сейчас остаются?

Он потер ладонью лицо и засмеялся.

— Сегодня не очень.

— Тебе нужно хотя бы сегодня выспаться, — сказала я.

— Это был вопрос или распоряжение?

— Совет. Распоряжение будет, если начнешь засыпать посреди предложения.

— Ты так уверенно это говоришь.

— Меня дома начальником экспедиции звали.

Он удивился, и я рассказала, как в детстве собирала соседских ребят искать клад на пустыре. Клада никто не нашел. Зато один мальчик отказался идти по моему маршруту, провалился в канаву и потом всю неделю утверждал, что именно это место я указала на карте.

— И что ты сделала? — спросил Андрей.

— В следующий раз дала ему самому держать карту.

— Помогло?

— Он перестал спорить и стал терять ее.

Андрей рассмеялся так открыто, что женщина за соседним столом подняла глаза от книги. Я не стала извиняться. Мне нравилось, каким он становился в такие минуты: моложе, шумнее, совсем не похожим на человека, который спал четыре часа и весь день отвечал на чужие звонки.

В этом разговоре он оживился. Стал рисовать пальцем на столе, объясняя, как можно было бы распределить работу. Иногда говорил слишком быстро. Я не все понимала и переспрашивала. Один раз он повторил почти теми же словами, и я сказала:

— Я услышала. Я не поняла.

Он остановился, посмотрел на меня, потом придвинул другую салфетку.

— Подожди. Сейчас покажу.

Взял у меня ручку и нарисовал три прямоугольника. Так действительно стало понятнее.

Мы просидели там почти час. Когда вышли, на улице уже моросило. Андрей поднял воротник, я спрятала руки в рукава.

Салфетку с нашей картой он аккуратно сложил и убрал в карман. Я заметила это только у двери. Спросить, зачем она ему, показалось слишком смелым, но и делать вид, что мне все равно, не получилось: я улыбнулась ему прямо в лицо. Он ответил такой же улыбкой и придержал дверь, пока я выходила под дождь.

Обратно мы шли медленнее. Он спросил, что я собираюсь делать в субботу.

— Пока ничего.

— Хочешь погулять?

— Где?

— Можем в центр. Ты там была?

— Только когда с вокзала ехала.

— Тогда покажу. Если дождя не будет.

Я согласилась слишком быстро и сразу зачем-то добавила:

— Мне еще надо с конспектами разобраться.

— Весь день?

— Нет. Но с утра хочу.

— Давай после обеда.

У общежития он достал телефон.

— Номер дашь? Чтобы я мог позвонить.

Я продиктовала. Он записал, набрал меня, дождался первого гудка и отключился.

На моем экране появился незнакомый номер.

— Теперь у тебя тоже есть, — сказал он.

Я стояла под козырьком, слышала, как вода капает на ступеньку, и хотела спросить, увидимся ли мы до субботы. Но он уже убирал телефон.

— Ладно. Мне еще к ребятам надо.

— Пока.

Он сделал шаг, потом обернулся.

— Завтра к первой?

— Да.

— Тогда так же?

Я улыбнулась.

— В половине девятого.

В комнате никого не было. Катя оставила на столе раскрытую тетрадь и пакет с яблоками. Я повесила куртку, достала учебники. Потом села на край кровати и открыла список последних звонков.

В списке было еще два пропущенных от того, кому я утром написала не приезжать. Я посмотрела на время звонков и закрыла его.

Номер Андрея сохранила в телефонную книгу.

Поле для фамилии оставила пустым. Я до сих пор ее не знала.

Зато знала, какой он пьет кофе, о чем думает после четырех часов сна и что завтра мы снова пойдем вместе.

Я положила телефон рядом с тетрадью, нашла строчку с вопросительным знаком и начала читать.

Глава 4
Еще немного

До субботы мы не дотерпели.

В четверг после пар я вернулась в общежитие, открыла тетрадь и минут двадцать исправно переписывала определения. Потом взяла телефон.

«Ты где?»

Отправила и положила его экраном вниз. Почти сразу перевернула обратно.

Ответ пришел через несколько минут.

«У себя. А что?»

На это у меня не было приготовленного ответа. Я могла спросить про преподавателя, про дорогу, про любую мелочь, ради которой не стоило писать. Вместо этого набрала:

«Хочется тебя увидеть».

Палец задержался над кнопкой. Я успела представить, как он читает, усмехается, показывает кому-нибудь рядом.

И все-таки отправила.

Я смотрела на сообщение, пока под ним не появилась отметка о доставке. За последние месяцы я отвыкла писать кому-нибудь просто потому, что соскучилась. Обычно прежде приходилось подумать, не помешаю ли, не потребуется ли потом объяснять свое желание. Сейчас хотелось увидеть Андрея и узнать, захочет ли он увидеть меня. Ответ мог быть любым. Я удивилась, что это не остановило меня.

Телефон зазвонил.

— Лена?

— Да.

— Выходи.

Я встала.

— Куда?

— На лестницу. Я на четвертом живу.

Мы закончили разговор, и я еще несколько секунд держала телефон возле уха. Потом посмотрела на себя в маленькое зеркало над столом. На щеке отпечатался край ладони.

Я потерла ее, взяла ключ и вышла.

Андрей спускался навстречу. Вчерашняя куртка исчезла, вместо нее была темная кофта с закатанными рукавами. Он остановился на площадке между этажами.

— Привет.

— Мы утром виделись.

— Я помню.

Он улыбался. Я тоже, хотя старалась этого не делать.

Внизу хлопнула дверь. По лестнице прошли двое ребят, и нам пришлось прижаться к стене. Когда они поднялись выше, Андрей остался рядом.

— Что-то случилось?

Я покачала головой.

— Просто захотелось.

Он посмотрел на меня уже без улыбки. Мне стало жарко, хотя из приоткрытого окна тянуло холодом.

— У меня тут сообщение было набрано, — сказал он. — Минут десять лежало.

— Какое?

— Чтобы ты вышла.

— Почему не отправил?

— Ты утром сказала, что будешь заниматься.

— Я занималась.

— Вижу.

Я опустила глаза. На пальце у меня осталась синяя полоска от ручки.

Андрей взял мою руку, повернул ладонью вверх. Провел большим пальцем по полоске, которая от этого только размазалась.

— Теперь хуже, — сказала я.

— Да.

Он не выпустил руку.

Вблизи его серо-голубые глаза казались темнее, чем на кухне. На вороте его кофты выбилась нитка. Я подумала, что запомню ее лучше всех определений, над которыми просидела последние двадцать минут.

Я подняла глаза. Мы стояли так близко, что мне пришлось чуть запрокинуть голову. Вчера я могла смотреть на него, пока он говорил, пока рисовал на салфетке, пока отворачивался к окну. Теперь он смотрел прямо на меня, и я ничего не могла придумать, чтобы отвести взгляд.

Он коснулся моей щеки. Очень осторожно, кончиками пальцев.

Я сама подалась к нему.

Первый поцелуй вышел коротким. Я почти сразу отстранилась, удивленная тем, что уже произошло то, о чем я весь день старалась не думать.

Андрей смотрел на меня. Его ладонь все еще лежала у меня на щеке.

— Я… — начала я.

Он ждал.

Я не договорила. Взялась за край его кофты и поцеловала снова.

На этот раз он обнял меня, притянул ближе. Я почувствовала под ладонью его теплую спину и перестала слышать, что происходит на других этажах.

Я слишком крепко держалась за его кофту. Когда попыталась разжать пальцы, он накрыл мою руку своей и на мгновение прижал к груди. Вчера я боялась даже задержать на нем взгляд в кафе. Теперь мне не хотелось отпускать человека, о котором я почти ничего не знала. Это пугало ровно до тех пор, пока он не поцеловал меня еще раз.

Потом наверху кто-то громко спросил, у кого соль.

Мы оторвались друг от друга. Андрей тихо засмеялся, уткнувшись лбом мне в висок. Я тоже засмеялась и спрятала лицо у него на груди.

У него быстро билось сердце.

Мне почему-то было особенно хорошо от этого.

Я не одна стояла здесь с дрожащими руками.

— Пойдем куда-нибудь, — сказал он.

— Куда?

— Мне сейчас все равно.

Я вернулась за курткой. Катя уже сидела на своей кровати и раскладывала учебники.

— Ты куда?

— Погулять.

Она посмотрела на меня, потом на ключ в моей руке.

— Ты же заниматься собиралась.

— Я уже позанималась.

— Понятно.

Я натянула куртку и никак не могла попасть в рукав. Катя молча расправила подкладку.

— Спасибо.

— Конспект потом возьми. Я допишу.

На улице уже темнело. Мы дошли до ближайшего перекрестка, повернули, прошли еще немного. Я не запоминала дорогу. Андрей держал меня за руку, и я все время чувствовала это через остальные ощущения: шум машин, холодный воздух, ремень сумки на плече.

На углу он предложил свернуть к площади. Я сказала, что там ремонт и мы уткнемся в забор. Он удивился, откуда я знаю.

— У меня схема, — ответила я.

— Та самая, с крестами?

— Она уже не та. Я добавила то, что выяснила сегодня.

— То есть мне теперь придется спрашивать дорогу у тебя?

— Можешь рискнуть и пойти к забору.

Он повернул туда, куда я показала. Мы дошли до площади без обхода, и Андрей торжественно сообщил, что признает мое руководство на этот вечер. Я потребовала не забыть об этом завтра. Он засмеялся и поднял наши сцепленные руки, как будто давал обещание перед невидимыми свидетелями.

Возле закрытого киоска он остановился, повернулся ко мне.

— Что? — спросила я.

— Ничего.

Теперь я знала, что это значит.

Он поцеловал меня, и я встала на носки, обняла его за шею. Мимо шли люди. Кто-то задел мою сумку. Мне было все равно.

Обратно мы возвращались больше часа. До общежития оставалось два дома, потом один, потом только двор. Каждый раз кто-нибудь из нас находил повод остановиться.

В холле пришлось разжать руки.

— Я тебя провожу, — сказал Андрей.

— Мне на третий. Ты знаешь.

— Знаю.

На третьем этаже он дошел со мной до двери. За ней разговаривала Катя, кому-то объясняла по телефону, где находится учебная часть.

Я стояла с ключом в руке.

— Ладно, — сказала я.

— Ладно.

Никто не двинулся.

Потом я потянула его к себе за рукав.

В комнату я вошла минут через десять.

Катя уже закончила разговор. Посмотрела на часы и подвинула мне тетрадь.

Я села за стол, прочитала заголовок. Потом телефон завибрировал.

«Уже скучаю».

Я прикрыла рот ладонью, но Катя все равно увидела улыбку.

— Будешь читать или можно свет выключить?

— Буду.

Я набрала ответ под столом.

«Я тоже».

Я хотела дописать еще несколько слов. Спросить, что именно он сейчас делает, смотрит ли на тот же экран и почему после получаса вместе я уже жду нового сообщения. Вместо этого открыла тетрадь. Катя диктовала мне пропущенную строчку, пока я записывала ее неровным почерком. Сосредоточиться получалось плохо, но все же получалось. Мне нравилось, что можно быть счастливой и при этом оставаться в своей комнате, за своим столом.

В пятницу мы встретились в половине девятого. Он ждал у двери. Я подошла, и Андрей взял мою сумку, чтобы я могла застегнуть куртку. Потом наклонился и поцеловал меня.

Прямо в холле, рядом со стендом, возле которого я два дня назад так старательно читала объявления.

Я смутилась, оглянулась. Вахтерша перебирала бумаги. Двое студентов спорили о расписании. Никто не перестал заниматься своими делами.

Андрей вернул мне сумку и взял за руку.

До института мы почти не разговаривали. Он иногда поворачивал ко мне голову, я ловила его взгляд и улыбалась. Потом мы снова смотрели перед собой.

В коридоре я первой отпустила его руку.

— Я опоздаю.

— Ты вечером свободна?

— Да.

— Тогда позвоню.

Он говорил о вечере, а мне уже хотелось, чтобы закончился день.

На паре я села рядом с Катей, открыла тетрадь и записала дату. На предыдущей странице осталось вчерашнее определение, оборванное посреди строки.

Я дописала его по Катиному конспекту. Несколько минут внимательно слушала преподавателя. Потом без всякой причины вспомнила, как Андрей вчера коснулся моей щеки.

От этого стало трудно сидеть спокойно.

В субботу он позвонил раньше, чем мы договаривались.

— Ты еще занимаешься?

— Уже заканчиваю.

На самом деле я закончила полчаса назад и успела трижды переодеться.

— Можем поехать сейчас. Там солнце вышло.

Я посмотрела в окно. Во дворе и правда было светло.

— Давай.

Катя сидела на полу перед открытым шкафом. Я вернула на вешалку кофту, которую в последний момент решила не надевать.

— А эта чем провинилась? — спросила она.

— Ничем.

— За утро уже третья невиновная.

Я показала ей язык. Она засмеялась.

В метро Андрей встал за моей спиной, когда вагон заполнился. Одной рукой держался за поручень, другой обнял меня за талию. Я чувствовала его дыхание у виска и смотрела на свое отражение в темном стекле.

У меня было такое лицо, что я отвернулась.

— Что? — спросил он, наклоняясь к уху.

— Ничего.

Он слегка сжал руку у меня на талии.

Мы вышли в центре и сначала действительно гуляли. Он показывал мне улицы, вспоминал, как однажды искал здесь нужный дом и трижды прошел мимо. Я рассказывала, как мы с подругой в школе сбежали с последнего урока, а у ворот встретили мою маму.

— И что ты сказала?

— Что нас отпустили.

— Она поверила?

— Она шла на родительское собрание. Не очень.

Он смеялся, а я смотрела на него и старалась запомнить, как меняется его лицо.

Возле книжного магазина я остановилась у витрины. За стеклом лежал потрепанный путеводитель с фотографией города на обложке. Андрей сказал, что знает место интереснее, но увидел, что я уже читаю названия на корешках, и вошел следом. Внутри пахло бумагой и пылью. Он искал старое техническое издание, я перебирала тонкие книги о Москве и то и дело звала его показать знакомую улицу на карте.

— Ты же уже начала составлять свою, — заметил он.

— Тут нет общежития и нашей столовой. Моя полезнее.

— Тогда мне нужен экземпляр с подписью автора.

Я не купила путеводитель, он не нашел свою книгу. Зато мы вышли почти через час. Андрей сначала делал вид, что торопит меня, а потом сам задержался у полки и попросил подождать. Мне понравилось, что нашу прогулку можно было поменять просто потому, что я захотела зайти в магазин.

Потом мы свернули к набережной. У воды было ветрено. Я встала у ограды, убирая волосы с лица. Андрей подошел сзади, обнял меня и положил подбородок мне на плечо.

— Холодно?

— Немного.

— Пойдем?

Я накрыла его руки своими.

— Еще чуть-чуть.

Мы стояли, пока у меня не замерзли пальцы. Потом зашли греться, заказали чай и долго не могли выбрать, что поесть. Андрей все время отвлекал меня, касаясь моей руки под столом.

— Дай прочитать, — сказала я наконец.

Он убрал руку.

Через несколько секунд я сама нашла ее.

Мы просидели там до темноты.

Я не помню, в какой момент перестала рассказывать истории, которые заранее казались удачными. Наверное, когда он признался, что в первую неделю в Москве потерял почти все деньги: спрятал в книжку и вернул ее в библиотеку.

— Нашли?

— Да. Но до понедельника я ел то, что оставалось.

— Что оставалось?

— Макароны. Очень много макарон.

Я смеялась, и он начал смеяться вместе со мной, уже не в силах закончить рассказ.

Потом я говорила про маму. Про то, как она складывала мне сумку и незаметно положила в боковой карман деньги. Я нашла их только здесь. Андрей слушал, проводя пальцем по моим костяшкам.

— Я ей еще не сказала про тебя, — призналась я.

— Я бы удивился, если бы сказала. Мы знакомы несколько дней.

— А мне кажется, дольше.

Он опустил взгляд на наши руки. На мгновение я пожалела, что произнесла это вслух, но Андрей поднес мою руку к губам.

— Мне тоже.

За соседним столом официантка собирала чашки. Мы должны были уходить, однако продолжали сидеть, пока она не принесла счет. Я предложила заплатить за свой чай. Андрей начал возражать, увидел мое лицо и замолчал.

— Хорошо, — сказал он. — А за макароны из моей юности платить не придется.

Я рассмеялась. Это был крошечный разговор, но после него рядом с ним стало еще спокойнее.

Мне было девятнадцать. Я только приехала в город, где почти никого не знала. А теперь сидела напротив него и могла без конца рассказывать мелочи, которые раньше казались недостойными отдельного разговора.

Он хотел их слышать.

Когда мы вернулись, в общежитии уже было шумно. На первом этаже кто-то принес музыку, возле лестницы собрались ребята. Андрей поздоровался с ними, но не остановился.

Мы поднялись на третий этаж.

Я знала, что Катя собиралась уехать к тете до воскресенья. И все равно прислушалась у двери, прежде чем вставить ключ.

В комнате было темно.

— Зайдешь? — спросила я.

Он посмотрел на меня.

— Зайду.

Я включила настольную лампу. На Катиной кровати лежал сложенный плед, на моей осталась кофта, которую я утром примеряла. Я убрала ее и предложила ему сесть.

Андрей снял куртку. Я повесила ее рядом со своей.

— Чаю хочешь?

— Мы только пили.

— Да.

Я стояла возле стола и не знала, что делать дальше. Здесь все ощущалось иначе. Мой учебник под его рукой. Его куртка на нашем крючке. Мы вдвоем в комнате, где не надо было отходить в сторону, пропускать чужих людей, ждать, пока кто-нибудь уйдет.

Андрей протянул мне руку.

Я подошла. Он обнял меня за талию, уткнулся лицом в живот, и я положила ладони ему на затылок.

Некоторое время мы так и стояли.

Я чувствовала, как его дыхание согревает ткань моей кофты. На лестнице, в метро, на набережной мне все время хотелось прикоснуться к нему, и теперь, когда никто не мешал, я вдруг замерла. Андрей поднял голову, но не потянул меня к себе.

— Все хорошо? — спросил он.

— Да. Просто я немного волнуюсь.

— Я тоже.

Он улыбнулся. Его пальцы чуть дрожали на моей талии. Мне не понадобилось ни торопиться, ни придумывать, что сказать. Я сама провела рукой по его темным волосам и шагнула ближе.

Я наклонилась к нему, и больше чай никому не понадобился.

Позже мы лежали рядом. Лампа все еще горела, за дверью кто-то смеялся. Андрей гладил мои волосы, а я водила пальцем по шву на его рукаве.

Я никогда еще не хотела так сильно, чтобы человек остался.

Он повернулся ко мне, поцеловал в лоб.

— Мне, наверное, надо идти.

Я крепче обняла его.

— Еще немного.

Он остался.

Потом снова сказал, что пора. Я кивнула, но не убрала руку с его груди. В конце концов он засмеялся, выключил лампу и лег обратно.

Утром я проснулась оттого, что он осторожно пытался вытащить затекшую руку из-под моей головы.

— Прости, — прошептала я.

— Спи.

Я повернулась к нему. На щеке у него остался след от подушки, волосы торчали с одной стороны. Он был сонный, теплый, совсем близкий.

Я поцеловала его первой.

Позже мы пили чай на общей кухне. Андрей принес мою кружку с синей точкой на дне и свой стакан с царапиной, который я теперь узнала бы среди десятка других. Я сидела напротив, закутавшись в кофту, и смотрела, как он ищет ложку. Ничего необычного не происходило. От этого вчерашний вечер становился еще более настоящим: ему не нужно было исчезать, чтобы остаться красивым воспоминанием.

Следующая неделя прошла так быстро, что в пятницу я не смогла сразу вспомнить, чем занималась во вторник.

Мы встречались утром. После пар. Между парами, если у него выпадало окно. Я научилась узнавать его шаги в коридоре, хотя каждый раз боялась, что перепутаю и открою дверь кому-нибудь другому.

Он писал коротко: «Выйдешь?», «Я внизу», «Пять минут есть?»

Пять минут редко оставались пятью.

В среду Катя попросила меня остаться после занятий и помочь ей разобрать конспект. Я написала Андрею, что приду позже. Он ответил: «Хорошо. Я пока закончу свое». Через два часа я поднялась на четвертый этаж. Он открыл дверь, увидел меня с измазанными чернилами пальцами и первым делом спросил, удалось ли нам разобраться. Я рассказала, а он слушал так серьезно, будто ему тоже завтра сдавать эту тему.

В другой день мы пытались приготовить ужин на общей кухне. Андрей уверял, что умеет жарить картошку. Я обнаружила, что он считает готовой любую картошку, которая перестала хрустеть. Мы доспорили уже за столом, съели все до последнего кусочка и потом вместе отмывали сковородку. Он надел мое полотенце на плечо, как повар в ресторане. Я сказала, что в его ресторан вернусь только ради компании. Он ответил, что этого ему пока достаточно.

Я сидела у него в комнате, пока он работал. На соседней кровати кто-нибудь читал или слушал музыку в наушниках. Андрей смотрел в экран, потом вдруг поворачивался ко мне, притягивал к себе и целовал, забыв, что собирался сказать.

Однажды я сама отвлекла его три раза подряд.

— Лен, я так до утра не закончу.

— Все. Не буду.

Я пересела к окну. Он минуту печатал, потом отодвинул клавиатуру.

— Иди сюда.

Мы все-таки учились, он все-таки работал. Иногда я уходила к Кате, потому что рядом с ним не могла прочитать и страницы. Но уже через час смотрела на телефон.

Я помнила, что у меня была жизнь до этой лестницы, до его голоса в трубке, до субботнего вечера. Только вспоминать ее сейчас не хотелось.

В пятницу после занятий я спустилась к выходу. Андрей стоял с ребятами, слушал какую-то историю. Увидел меня и сразу улыбнулся.

Я еще не успела дойти до него, а он уже протянул руку.

И я опять пошла быстрее.

Глава 5
Когда она рядом

Андрей

К октябрю я перестал запоминать, кому и что обещал.

Раньше все помещалось в голове: забрать компьютер, купить деталь, позвонить заказчику, сдать работу. Теперь я мог вспомнить о звонке только вечером, когда Лена уже сидела рядом и рассказывала, как у нее прошел день.

Иногда я вспоминал, как впервые увидел ее на общей кухне. Она стояла с ключом между пальцами и смотрела на неисправный чайник, словно собиралась проверить его сама, хотя не знала, с какой стороны взяться. Длинные темные волосы спадали ей на плечи; синие глаза казались почти сердитыми, когда она сказала, что ей хватит немного кипятка. Мне понравилось, что она не поблагодарила меня заранее за помощь, которой не просила. Потом она быстро нашла, что ответить на мою шутку про кружки. Я поднялся за другим чайником и по дороге поймал себя на том, что тороплюсь обратно.

Однажды она заметила, что я в третий раз смотрю на часы.

— Тебе надо куда-то?

— Нет. Человеку не позвонил.

— Позвони.

— Поздно уже.

Она посмотрела на часы.

— Без девяти.

Я взял телефон. Заказчик ответил сразу. Пока мы говорили, Лена достала из моей стопки листов чистый, расчертила его ручкой и придвинула ко мне.

— Напиши сюда. Что, кому и к какому дню.

— Я обычно помню.

Она посмотрела на меня.

Я взял ручку.

Мы заполнили почти весь лист. Внизу я написал: «Лена, завтра, полседьмого».

— Это еще что?

— Чтобы не забыть.

Она попробовала забрать лист, но я поднял его выше. Пришлось встать, чтобы дотянуться. Я поймал ее за талию и усадил к себе на колени.

Через несколько минут она сама вписала рядом: «Не опаздывать».

Этот лист долго лежал у меня под клавиатурой. Остальные дела я зачеркивал. Последнюю строчку оставил.

Через неделю она заметила незачеркнутую запись.

— Ты так и не сделал это дело?

— Делаю регулярно.

Лена прочитала строчку еще раз и усмехнулась. Потом взяла ручку, добавила рядом дату нашей следующей встречи и нарисовала маленький квадрат, чтобы я мог поставить галочку. Я не поставил. Мне нравилось, что она оставила на листе свой почерк.

Мне нравилось, что Лена приходит без предупреждения. Что может открыть дверь, посмотреть, кто в комнате, и спросить:

— Ты занят?

Я почти всегда отвечал, что нет.

Даже когда был занят.

Она садилась рядом, забиралась с ногами на кровать и открывала тетрадь. Иногда мы так проводили весь вечер: каждый делал свое, только я время от времени поворачивался убедиться, что она все еще здесь.

Если ее не было, я работал быстрее. Но к девяти начинал прислушиваться к коридору.

Сосед однажды сказал:

— Сходи уже за ней. Ты дверь глазами просверлишь.

Я послал его куда подальше, взял ключ и спустился на третий этаж.

Лена сидела за столом рядом с Катей. На подоконнике остывали две кружки. Они что-то считали и спорили о результате.

— Пять минут, — сказала Лена, увидев меня.

Я сел на край ее кровати.

Пять минут растянулись на сорок. Она даже не замечала, что я жду. Перечеркивала строчки, искала нужное место в учебнике, объясняла Кате, почему у них не сходится ответ.

В конце концов они разобрались. Лена повернулась ко мне, довольная, с красным пятном на щеке от собственной ладони.

Я уже знал эту ее привычку: если что-то не сходилось, она подпирала рукой лицо, потом резко выпрямлялась и начинала все заново. Она не принимала мой ответ только потому, что я старше на несколько курсов. Однажды я попробовал объяснить ей задачу, а она нашла ошибку в моем примере. При Кате. Я целый вечер делал вид, что обиделся, хотя на самом деле был ею горд.

— Ну все.

Я уже успел немного рассердиться. Но она подошла, обняла меня за шею, и я забыл, что хотел сказать.

Я мог весь день раздражаться из-за денег, которые не перевели вовремя, из-за чужой работы, которую опять приходилось исправлять. Потом она появлялась, и я ловил себя на том, что рассказываю об этом смешно. Мне хотелось, чтобы она смеялась.

Лена смеялась всем лицом. Иногда зажимала рот рукой, если рядом кто-нибудь занимался. От этого становилось только хуже: плечи начинали дрожать, она смотрела на меня с просьбой перестать, а я продолжал.

До нее я не знал, что могу так стараться ради чужого смеха.

По дороге в столовую Лена всегда выбирала короткий путь через двор. Я утверждал, что там дольше из-за ворот; она доставала из кармана сложенный лист с нарисованной схемой и предлагала засечь время. Иногда я побеждал, иногда она. После моего поражения Лена смотрела на меня своими синими глазами с таким торжеством, будто выиграла крупный спор, а не сорок секунд. Я говорил, что замер неправильно, лишь бы она продолжала улыбаться.

Сначала мне нравилось, что в ее комнате, в ее тетрадях и даже в прогулках есть место, которое она определяет сама. Я не сразу заметил, как часто потом начинал надеяться, что в эти планы она впишет и меня.

В одно воскресенье Лена вытащила меня из комнаты без всякого плана. Сказала, что мы слишком много времени проводим между третьим и четвертым этажами. На улице шел мелкий дождь. Я предложил вернуться за зонтами, она решила, что успеем до остановки, и через десять минут мы оба промокли.

— Ну и кто из нас отвечает за маршрут? — спросил я.

— Ты. Я отвечаю за идею.

Мы спрятались в проходном дворе, слушали, как вода стучит по железному козырьку. У Лены прядь волос прилипла к щеке. Я убрал ее пальцами и поцеловал Лену. Мы все-таки дошли до книжного магазина, где в первую нашу субботу задержались почти на час, но он

оказался закрыт. Я не огорчился. Впервые за долгое время мне нравился день, в котором мы ничего не успели.

В ноябре у меня появился постоянный заказ. Небольшая фирма попросила приезжать раз в неделю и следить, чтобы у них все работало. Денег было немного, зато я впервые мог заранее посчитать, сколько получу в конце месяца.

Мы отметили это пиццей. Принесли коробку в комнату к Лене, освободили стол от учебников. Катя отрезала себе кусок и ушла на кухню искать чай.

— Теперь ты серьезный человек, — сказала Лена.

— До этого несерьезный был?

— До этого ты мне три дня обещал починить лампу.

Я посмотрел на лампу.

— Она же работает.

— Если ее не трогать. И не дышать рядом.

Я починил ее в тот же вечер. Лена держала фонарик, а я пытался добраться до контакта. Она светила то на мои руки, то прямо в глаза.

— Лен.

— Что?

— Я сейчас ослепну.

— Ты сам голову двигаешь.

Когда лампа загорелась, мы обрадовались так, будто сделали что-то гораздо сложнее.

Я задержался у нее. Катя вернулась, поворчала, что мы съели самый вкусный кусок, потом легла читать. Мы сидели на Лениной кровати, прижавшись друг к другу. Она грела мои пальцы в своих ладонях.

За окном шел первый снег.

Я смотрел на стекло и думал, что мне остается последний учебный год. Весной диплом. Потом надо будет искать жилье, работу, как-то устраиваться.

Раньше в этих планах был только я.

Теперь я представлял, как Лена приходит вечером, снимает куртку, рассказывает что-нибудь с порога. Уже в квартиру, где можно закрыть дверь и не думать, кому завтра рано вставать.

Я сказал ей об этом.

Она подняла голову с моего плеча.

— Ты хочешь снимать квартиру?

— После выпуска придется.

— Дорого, наверное.

— Потяну. Если будет еще пара таких заказов.

— Один или с ребятами?

Я посмотрел на нее.

— С тобой.

Лена перестала тереть мои пальцы.

— Андрей…

Я сразу понял, что поторопился. И вместо того чтобы замолчать, принялся объяснять все до конца.

— Я не говорю прямо сейчас. Летом. Или осенью.

— Мне еще здесь учиться.

— От квартиры тоже можно ездить.

Она посмотрела в сторону Кати, которая лежала к нам спиной, потом снова на меня.

— Я пока не знаю.

Мне хотелось услышать другое. Хотя бы что ей тоже хочется. Вместо этого я кивнул и сказал, что времени еще много.

Она снова взяла мои пальцы в ладони. Я мог спросить, чего она хочет после учебы, как представляет себе следующую осень и нужна ли ей вообще квартира вне общежития. Но я уже успел нарисовать в голове нашу кухню и ее куртку у двери. Я не спросил. Вместо этого мысленно прикидывал, сколько денег понадобится на залог за квартиру.

Потом мы говорили о чем-то обычном. Она снова положила голову мне на плечо. Через некоторое время я перестал считать ее ответ отказом.

Я просто решил, что вернусь к этому разговору, когда будет что предложить.

В декабре Лена пошла с группой на день рождения. Меня звали тоже, но в тот вечер надо было закончить работу. Мы договорились, что она позвонит, когда соберется возвращаться.

В половине одиннадцатого я сам набрал ее.

Она ответила не сразу. В трубке играла музыка.

— Ты уже идешь?

— Скоро.

— Давай встречу.

— Мы с Катей вместе. Тут недалеко.

Я посмотрел в окно. На улице сыпал снег, машины медленно ползли вдоль тротуара.

— Все равно выйду.

— Не надо. Мы дойдем.

Я услышал рядом с ней мужской голос. Кто-то спросил, где лежит куртка. Лена ответила, потом вернулась к разговору со мной.

Я не знал, кто говорил. Она была на дне рождения с группой, там наверняка было полно ребят. Я напомнил себе об этом и все равно спросил, когда она пойдет домой. В трубке снова заиграла музыка. Я представил, как она улыбается кому-то рядом, пока ждет, что я перестану волноваться. От собственной мысли мне стало неприятно. Лена не давала повода сомневаться в ней.

— Я позвоню из общежития.

Она сказала это спокойно. Я согласился и положил телефон на стол.

Работа перестала идти.

Я перечитал сообщение заказчика. Попробовал ответить. Стер. Потом взял куртку и вышел.

По дороге я несколько раз хотел повернуть назад. Она ясно сказала, что придет с Катей. Я даже придумал, что отвечу, если она увидит меня у входа: вышел проветриться, встретил случайно. Я понимал, что это неправда. Но представление о том, как она идет по темной улице, а я остаюсь за столом, оказалось сильнее моего обещания ждать звонка.

Ждал возле входа, под козырьком. К тому времени, как они пришли, я уже замерз. Катя поздоровалась и пошла внутрь, а Лена остановилась передо мной.

— Ты давно здесь?

— Минут двадцать.

— Я же сказала, что мы сами.

— Ну я решил пройтись.

Она посмотрела на мои руки, спрятанные под мышками, и на снег возле ботинок.

— До двери?

Я улыбнулся. Лена не улыбнулась в ответ.

— Я не маленькая.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

Я хотел сказать, что соскучился. Это тоже было правдой. Но я вышел не только поэтому.

— Поздно. Мне спокойнее так.

Она несколько секунд молчала.

— Я ведь ответила тебе. Сказала, с кем иду.

Я почувствовал себя дураком. Будто сделал что-то хорошее и теперь должен оправдываться.

— Ладно. В следующий раз буду сидеть дома.

Лена отвела глаза.

Мне сразу стало стыдно за тон.

Я подошел ближе.

— Лен. Я не это хотел сказать.

Она не отстранилась, когда я коснулся ее плеча. Но и не прижалась, как обычно.

— У меня раньше все время спрашивали, где я. С кем. Когда вернусь, — сказала она. — Я не хочу опять.

О бывшем она говорила редко. Я знал, что расстались они до ее отъезда, что он еще какое-то время звонил. Подробностей не спрашивал. Мне не хотелось давать ему место в наших разговорах.

Сейчас он все-таки оказался между нами.

— Я тебя не проверяю, — сказал я.

Я вспомнил, как всматривался в каждый силуэт у общежития. Испугался за нее — и хотел проверить, правда ли она возвращается с Катей. Во втором я не смог признаться даже себе.

Лена посмотрела на меня.

— Хорошо.

Мы поднялись к ней. Я согрел руки под горячей водой, она сделала чай. Разговор больше не возвращался, и через час мне уже казалось, что все прошло.

Перед уходом я поцеловал ее у двери.

— Позвони в следующий раз, когда выйдешь. Просто чтобы я знал.

Она чуть отодвинулась.

— Мы же только что поговорили.

Я выдохнул.

— Да. Прости.

Она кивнула, но не придвинулась ближе. Мне хотелось вернуть обычный вечер: ее смех, лампу с плохим контактом, поцелуи на лестнице. Я поцеловал ее еще раз и ушел.

В тот вечер я впервые ушел от нее без желания сразу написать.

Утром она пришла сама. Встала возле моего стола, потеребила край рукава.

— Ты обиделся?

Я отодвинул стул.

— Нет.

Она села ко мне на колени. Я обнял ее и долго держал, прежде чем вернуться к работе.

На зимние каникулы Лена уехала домой. Я провожал ее до вагона, держал сумку, пока она искала билет. До отправления оставалось минут десять. Мы целовались возле ступенек, мешая людям проходить.

— Всего две недели, — сказала она.

— Я знаю.

Я знал. Но две недели казались неправдоподобно длинными.

Когда поезд тронулся, я пошел рядом с ее окном. Она прижала ладонь к стеклу. Потом пришлось остановиться, и я смотрел, как вагон уходит за край платформы.

За каникулы я взял больше работы, чем собирался. Вечерами звонил ей. Лена рассказывала, что дома все на месте: мама опять кладет ей добавку, подруга зовет гулять, на остановке ничего не изменилось.

Я слушал и пытался представить ее там. На кухне, где никогда не был. На улице, которую не знал. Среди людей, для которых она оставалась той Леной, какой я ее еще не видел.

Иногда она заканчивала разговор первой.

— Мне пора. Мы договорились встретиться.

Я говорил: «Конечно».

И еще какое-то время держал телефон в руке.

Однажды перед тем, как отключиться, она сказала, что завтра идет с подругой к реке, где они гуляли еще в школе. Я попросил рассказать потом, замерзла ли вода у берега. На следующий вечер она позвонила сама и долго описывала мокрый снег, мостик и подругу, которая принесла термос без крышки. Я смеялся и понимал, что узнаю ее жизнь, в которой меня нет. Мне хотелось однажды увидеть все это рядом с ней. Я ведь знал, что у нее есть жизнь, которая началась до меня. Просто пока не умел представить ее целиком.

В январе она вернулась. Я увидел ее на платформе раньше, чем она меня. Шла, поправляя сумку на плече, оглядывалась. Я поднял руку.

Лена бросилась ко мне, и мне пришлось отступить на шаг, чтобы удержать нас обоих.

Она смеялась, целовала меня в щеку, говорила что-то про поезд. Я забрал сумку и обнял ее свободной рукой.

По дороге в общежитие она почти все время держалась за мой рукав.

Дома, оказывается, тоже скучала.

В тот вечер я снова подумал о квартире.

Только теперь мне хотелось успеть снять ее до следующего отъезда.

Глава 6
После диплома

Андрей

Весной Лена однажды уснула у меня над учебником.

Я сидел за компьютером, она устроилась на кровати, положив перед собой раскрытую книгу. Сначала задавала вопросы, потом замолчала. Когда я обернулся, ее щека уже лежала на странице.

Осторожно вытащил учебник, снял с нее очки, которые она надевала только для чтения. Укрыл своим пледом.

На часах было почти двенадцать. В соседней комнате еще играла музыка. На моем столе лежали распечатки диплома, возле клавиатуры стояла холодная чашка.

Я должен был закончить одну главу к утру. Вместо этого несколько минут смотрел на Лену.

За зиму она освоилась. Больше не складывала расписание в сумку перед каждым выходом, знала, где дешевле купить продукты, могла спорить с преподавателем и потом полдня переживать, не слишком ли резко ответила.

Мне нравилось слушать, как она говорит о своих делах. Даже когда я не сразу понимал, почему из-за одной оценки надо так расстраиваться.

В ту весну она решила подать работу на студенческий конкурс. Сидела у меня на полу, потому что на столе не осталось места, и переписывала вступление третий раз. Я предложил показать текст своему научному руководителю.

— Сначала сама разберусь, — сказала она, не отрываясь от листа.

Через минуту попросила меня прочитать вслух один абзац: хотела услышать, где фраза спотыкается. Я прочитал, она вычеркнула две строки и облегченно рассмеялась. Потом она забрала лист: оставшееся хотела исправить сама.

У нее все только начиналось. У меня, наоборот, подходило к концу.

Ребята обсуждали, кто куда устроится. Один собирался домой. Другому обещали место знакомые отца. Я оставался в Москве. Сомнений в этом не было, но все остальное пока существовало в виде звонков, встреч и обещаний перезвонить.

Лена проснулась, когда я пытался поправить край пледа.

— Который час?

— Поздно. Спи.

Она приподнялась на локте, посмотрела на стол.

— Тебе еще много?

— Есть немного.

— Я уйду, чтобы ты закончил.

Я положил руку ей на плечо.

— Оставайся. Ты не мешаешь.

Она легла обратно. Через несколько минут я снова услышал ровное дыхание.

Я сел за работу. Писать стало легче.

В апреле меня пригласили в небольшую компанию, которая занималась программами для других фирм. Нужен был человек, готовый ездить к клиентам, разбираться, почему у них что-то не работает, и объяснять тем, кто сидел в офисе, что именно надо исправить.

На встрече я сказал, что могу начать после защиты.

Руководитель посмотрел мое резюме, которое занимало половину страницы.

— А раньше?

— Диплом.

— У всех диплом. Справишься.

Я согласился приходить несколько раз в неделю.

В первый день Лена ждала меня возле общежития. Я увидел ее издалека и только тогда понял, как устал за эти несколько часов. До этого держался: записывал, слушал, старался не переспрашивать лишнего.

Она подошла, взяла меня за руку.

— Ну как?

— Нормально.

— Рассказывай.

Мы поднялись в комнату. Я говорил, пока она делала чай, пока искала что-нибудь поесть, пока садилась рядом. Оказалось, рассказать хотелось все: кто там работает, как устроен офис, что мне поручили, почему я сразу понял, где у них ошибка.

Лена слушала внимательно. Потом спросила:

— Ты доволен?

Я подумал.

— Да.

Она улыбнулась, прижалась ко мне.

— Я так и знала.

Я держал ее и представлял, как через несколько месяцев перестану считать деньги до следующего заказа.

В тот вечер мы вышли за хлебом, а вернулись через час. Прошли мимо магазина, заговорились и оказались у того букинистического, куда заходили на нашем первом свидании. Он уже был закрыт. Лена прочитала в витрине название книги и сказала, что купит ее, если пройдет во второй тур конкурса. Я предложил купить ее с первой зарплаты.

— Тогда это будет не моя победа, — возразила она.

Она сказала это шутливо и взяла меня под руку. Я тоже улыбнулся, хотя мне хотелось однажды иметь возможность покупать ей все книги, на которые она смотрит так долго.

По вечерам работы стало больше. Клиентам было все равно, что утром у меня консультация по диплому. В институте было все равно, что накануне я вернулся поздно. Я научился спать в метро и есть, читая распечатки.

Мы с Леной все еще виделись почти каждый день. Только теперь она чаще ждала.

Однажды я обещал зайти в семь. Освободился почти в девять, по дороге купил ее любимые булочки и поднялся на третий этаж.

Катя открыла дверь.

— Она в библиотеке.

Я посмотрел на часы.

— До сих пор?

— Ей к зачету готовиться.

Я позвонил. Лена ответила шепотом.

— Я скоро.

— Я у тебя.

— Андрей, ты сказал в семь. Я ждала, потом пошла.

— Меня задержали.

— Я поняла. Посиди с Катей. Или я потом к тебе приду.

В ее голосе не было ни обиды, ни упрека. Она просто продолжала заниматься тем, что запланировала.

Я расстроился сильнее, чем ожидал.

Пока ждал, успел представить, что она сердится и специально не приходит. Потом сам же вспомнил: она предупредила, куда идет, а я не предупредил, что опоздаю на два часа. В комнате Катя перевернула страницу, за окном кто-то позвал приятеля. От этого обычного вечера мне стало еще неловче.

Положил пакет на стол, сел у окна. Катя писала что-то в тетради, не обращая на меня внимания. Булочки понемногу остывали.

Когда Лена пришла, я сказал, что мог бы встретить ее возле библиотеки.

— Мог бы, — согласилась она. — Но я уже дошла.

Потом увидела пакет.

— Мне?

Я кивнул.

Она взяла булочку, отломила кусочек и поднесла к моему рту.

Я съел. Она улыбнулась.

Вечер закончился хорошо. Только я еще долго помнил, как спокойно она сказала, что потом придет сама.

Через две недели я встретил ее после занятий. Она хотела показать мне письмо о том самом конкурсе: ее работу взяли во второй тур. Прочитала письмо дважды, не веря, а потом подняла на меня сияющие глаза. Я подхватил ее за талию прямо посреди коридора, и она, смеясь, велела поставить ее на пол. В субботу мы вместе сходили за той книгой. Я понес ее в пакете, хотя Лена говорила, что справится сама. В тот день я забыл и про библиотеку, и про свое ожидание у окна. Но вечером, когда она ушла заниматься с Катей, снова поймал себя на желании спросить, почему нельзя было заниматься у меня. Вопрос так и остался при мне.

В мае мы стали говорить о лете.

Лена собиралась домой сразу после сессии. Мама уже спрашивала, когда брать билет. Подруга обещала встретить на вокзале. Все это обсуждалось давно, но пока речь шла о лете вообще, я почти не думал, сколько оно длится.

Потом Лена назвала день отъезда.

Я сидел за столом и сверял номера страниц в дипломе.

— Так рано?

— Последний экзамен за два дня до этого.

— У меня защита позже.

Она замолчала.

Я повернулся к ней.

— На неделю.

— Хочешь, я останусь до защиты?

Мне хотелось. Очень.

Но я представил, как она будет сидеть здесь одна, пока я целыми днями пропадаю. Как мама ждет ее дома. Как придется признаться, что без нее мне тревожно идти даже на защиту, к которой я готовился несколько месяцев.

— Не надо, — сказал я. — Езжай. Я все равно буду занят.

После ее отъезда я не раз вспоминал эту минуту: она сама предложила остаться, а я ответил за нас обоих.

Она посмотрела на меня, будто проверяла, правда ли это мой ответ.

— Точно?

— Точно.

Лена купила билет.

Последние дни перед отъездом я старался освобождать вечера. Не всегда получалось. Один раз она пришла ко мне в офис и ждала внизу почти час. Когда я вышел, сидела на бордюре, вытянув ноги, и читала конспект.

— Ты почему не позвонила?

— Ты написал, что сейчас выйдешь.

Я посмотрел на время сообщения.

— Прости.

Она поднялась, отряхнула юбку.

— Пойдем. Я есть хочу.

Мы купили еду по дороге и пошли в общежитие. В комнате она разложила все на столе, отодвинув мои бумаги. Я сначала хотел возразить, потом сел рядом.

Лена рассказывала, что возьмет домой. Я слушал и злился на работу за то, что она съела этот час.

Ночью, когда мы уже легли, я спросил:

— А в июле ты не можешь приехать?

Она повернулась ко мне.

— На несколько дней?

— Да.

— Посмотрим. Пока не знаю.

Я провел рукой по ее волосам.

— Ладно.

Мы еще долго не спали. Мне хотелось запомнить ее тепло, вес ее руки на своей груди. Я понимал, что через несколько дней буду лежать так же, но один, и никак не мог заранее с этим согласиться.

На вокзале она все время находила, о чем напомнить.

— Поешь перед защитой.

— Поем.

— И не сиди всю ночь.

— Не буду.

— Ты врешь.

Я улыбнулся.

Она поправила воротник моей рубашки. Вынула из сумки пакет с яблоками и отдала мне.

— Это тебе. Я все не съем.

Я поставил пакет возле ее чемодана и обнял ее.

Когда проводница попросила заходить, Лена поцеловала меня еще раз. Потом поднялась по ступенькам, обернулась и помахала.

После отправления я забрал яблоки и долго стоял на платформе.

Защиту я прошел хорошо. Когда вышел из аудитории, сразу набрал Лену.

Она ответила на втором гудке.

— Ну?

— Все.

— Как все?

— Защитился.

Она закричала так громко, что я отодвинул телефон от уха. Ребята рядом засмеялись.

— Я же говорила!

Я тоже смеялся. Рассказывал, о чем спрашивали, как сначала забыл простое слово, как потом разговорился.

— Я тобой горжусь, — сказала она.

Я замолчал посреди фразы.

В коридоре было шумно. Люди проходили мимо, кто-то дергал меня за рукав, звал фотографироваться.

А мне хотелось, чтобы она стояла здесь.

— Приедешь, отметим, — сказал я.

— Обязательно.

После звонка Антон догнал меня у лестницы. Он учился на другом факультете и успел освободиться раньше, но пришел дождаться меня к окончанию защиты. В руках у него был дешевый фотоаппарат, который он берег для таких случаев.

— Постой нормально. Я тебя сниму.

— Сначала ты со мной.

Мы попросили случайного парня сделать снимок. Антон тут же потребовал второй, потому что на первом я смотрел куда-то мимо объектива.

— Лена? — спросил он, когда парень ушел.

— Дома. Я сам сказал ей ехать.

— Тогда чего лицо такое?

Я хотел отшутиться и не смог. Антон сунул мне фотоаппарат и предложил поесть, пока остальные не разобрали столовую. За обедом он рассказывал, как на его защите отключился проектор. Я смеялся не в тех местах. Он не стал вытягивать из меня признаний, только напомнил, что скоро Лена вернется. Для него это звучало просто. Для меня два месяца стали огромным сроком.

На вручении дипломов я сидел между ребятами из группы. Потом мы вышли во двор, фотографировались, обсуждали вечер. Я несколько раз доставал телефон. От Лены было сообщение, отправленное утром, еще до церемонии.

Я прочитал его снова.

Сам сказал ей ехать. И все равно чувствовал себя оставленным.

Объяснить это было некому. Мне самому не нравилось, как это звучало.

В июле я съехал из общежития.

Сначала снял квартиру вместе с двумя знакомыми. Потом один из них отказался, второй нашел вариант дешевле. Мне пришлось остаться с расходами, на которые я не рассчитывал.

Я взял дополнительную работу. Решил, что справлюсь, если первый месяц почти ничего не буду тратить.

Когда я подписывал договор, хозяйка спросила, буду ли жить один. Я сказал, что да. Она записала это, не подняв головы, а я смотрел на ключ у нее на ладони. Еще недавно мы с Леной разговаривали о том, как хорошо было бы иметь свое место. Теперь место появилось, только она даже не видела его.

В квартире были старый диван, стол возле окна и шкаф с дверцей, которая закрывалась только после сильного толчка. Из посуды хватало двух тарелок и кастрюли. В первую ночь я положил телефон возле подушки и проснулся от тишины.

В общежитии кто-нибудь всегда ходил, говорил, включал воду. Здесь шумела только улица за окном.

На второй день я прикрутил разболтавшуюся ручку кухонного шкафа и вымыл подоконник. По привычке собрался позвать Лену посмотреть, как стало светло. Вспомнил, что у нее утро только начинается и она, наверное, завтракает с мамой. Отправил ей фотографию окна. Ответ пришел через несколько минут: «Солнце! Там можно поставить цветок».

Я прочитал и оглянулся на пустую комнату. Цветка не было. Зато я уже мысленно переставлял стол так, чтобы рядом поместились два стула.

Лене я рассказал, что переехал. Про деньги сказал, что все нормально.

Она попросила описать квартиру.

Я описал окно, кухню, двор. Про шкаф не стал. Про то, что в холодильнике лежали только яйца и пачка масла, тоже.

— Когда приеду, посмотрю, — сказала она.

— Да.

Я уже представлял, куда поставлю ее вещи.

Днем я работал в компании, вечером брался за старые заказы. Сначала думал, что это на пару недель. Потом привык отвечать на звонки в любое время.

Лена звонила, когда у нас уже начиналось совещание. Я перезванивал, когда она уходила из дома. Иногда мы обменивались двумя фразами и договаривались поговорить позже.

Позже тоже не всегда получалось.

Однажды я вернулся почти в полночь, набрал ее и услышал в трубке ветер и смех.

— Ты где?

— Мы гуляем. Я утром говорила.

Я помнил. Встретилась с подругой, потом собирались еще люди. Все знакомые со школы.

— Ты скоро домой?

— Еще не знаю.

Я сел на диван, не снимая ботинок.

— Мне завтра рано. Я весь вечер хотел с тобой поговорить.

Лена отошла куда-то, вокруг стало тише.

— Я звонила тебе два раза.

— Я работал.

Она помолчала.

— Можешь сейчас поговорить?

Я мог. Именно ради этого позвонил.

Но вместо того чтобы рассказать, как прошел день, спросил, кто с ней.

Лена назвала имена. Почти все я слышал раньше.

— Ты их все равно не знаешь, — добавила она.

Я понял, что это замечание ни о чем особенном. И все-таки зацепился за него.

— Да. Я много чего не знаю.

— Андрей, что случилось?

— Ничего.

После разговора я снял ботинки, отнес телефон на кухню и поставил на зарядку. В пустой квартире мой голос только что звучал громче, чем я собирался.

Я открыл холодильник, закрыл его, не взяв ничего. Лена звонила днем, пока я сидел с коллегами. Я увидел два пропущенных и написал, что отвечу позже. Теперь вел себя так, будто это она лишила нас разговора. Я набрал сообщение с извинением, стер и оставил телефон лежать. Хотел сказать все голосом, без привычного короткого «прости», после которого можно сделать вид, что неловкости не было.

Утром увидел ее сообщение.

«Я скучаю. Давай сегодня нормально поговорим».

Я ответил, что тоже скучаю.

Вечером мы разговаривали почти час. Она рассказывала про дом, я про работу. Потом сказала, что билеты на конец августа уже купила.

Я спросил дату, записал на обороте счета за квартиру. До ее возвращения оставалось чуть больше месяца.

Я сказал, что вчера спросил про ее друзей не потому, что хотел познакомиться с ними по телефону. Она тихо засмеялась.

— А почему?

Я прислонился к стене возле кухни. С улицы доносился шум машин, а у нее за спиной кто-то звенел посудой.

— Наверное, я разозлился, что ты веселишься, пока я здесь один.

— Ты мог сказать, что скучаешь.

— Я скучаю.

— Вот теперь я слышу.

Мне стало легче. Когда мы попрощались, я еще немного стоял с телефоном в руке. Лена не могла угадывать, когда мне тяжело, особенно если я всякий раз отвечал, что у меня все нормально. Наутро я все равно взял очередной заказ: за квартиру надо было платить.

За этот месяц я купил нормальную лампу, убрал из комнаты лишние вещи и договорился, что часть старых заказов передам знакомому. Хотел освобождаться раньше. Получалось не каждый день.

Лена снова заговорила об общежитии. Сказала, что Катя приедет почти одновременно с ней, что они уже договорились встретиться.

Я спросил, как она собирается добираться с чемоданом. Она перечислила пересадки, а я перебил: приеду на вокзал. В трубке послышалась ее улыбка.

— Я надеялась, что ты так скажешь.

После этого мне было трудно произнести то, что вертелось на языке: зачем ей сначала ехать в общежитие, если можно сразу со мной? Она не видела квартиру и ни разу не говорила, что собирается переехать. Но мне уже казалось естественным, что ее возвращение изменит и мою жизнь здесь.

— Ты можешь сначала ко мне, — сказал я.

— Я и приеду. Только заселюсь, сумку оставлю.

Мне этого показалось мало.

Я не стал спорить по телефону. Решил, что поговорим, когда она увидит квартиру. Когда поймет, что теперь нам есть где быть вдвоем.

За день до ее возвращения я купил две кружки. Одна была светлая, почти как ее старая, с синей точкой на дне. Вторую взял первую попавшуюся.

Вечером вымыл их, поставил рядом. Потом еще раз проверил, во сколько приходит поезд.

Лена написала, что уже собрала сумку.

Я набрал: «Жду».

Посмотрел на слово и добавил: «Очень».

Глава 7
Возвращение

Москва встретила меня запахом мокрого асфальта. Ночью прошел дождь, и на платформе между шпалами еще стояла вода.

Перед тем как выйти, я задержалась у окна вагона. За всю дорогу я почти не спала: то читала сообщение Андрея с номером платформы, то представляла, как он возьмет меня за руку. Дома оставались мама и улицы, по которым я знала дорогу даже в темноте. В Москве ждали занятия, Катя и человек, которого я теперь знала лучше, чем в день своего отъезда, но теперь боялась узнать заново.

Летом мы говорили часто. В июне он рассказывал о защите, смеялся над собой и требовал, чтобы я повторила, что горжусь им. В июле наши звонки стали короче. Он переехал, уставал, обещал перезвонить. Один раз я слышала в его голосе недовольство, когда он узнал, что гуляю с друзьями. На следующий день мы все объяснили друг другу, но я везла с собой память и об этом разговоре. Я собиралась обнять его и понять, что между нами осталось прежним.

Я вышла из вагона, придерживая сумку на плече, и стала искать Андрея. Он написал, что будет у середины состава, но люди двигались навстречу сплошной стеной. Я поднялась на носки.

— Лена!

Он шел ко мне, расталкивая толпу одним плечом. Я бросила сумку на чемодан и обняла его прежде, чем он успел что-то сказать.

За лето я успела забыть, какой он высокий. Как пахнет его рубашка. Как он выдыхает мне в волосы, когда обнимает.

— Привет, — сказала я ему в шею.

— Привет.

Он поцеловал меня. Я закрыла глаза и вдруг почувствовала, как уходит напряжение, с которым ехала всю ночь.

Он отстранился, но не выпустил мою руку. На его лице было выражение, которого я не успела рассмотреть, пока мы целовались: радость вперемешку с какой-то осторожностью. Я провела пальцем по его щеке. Андрей поймал мою ладонь и на секунду прижал к губам. Мимо катили чемоданы, кто-то громко звал такси, а мне хотелось остаться здесь еще хотя бы на минуту.

Только теперь я заметила, что он похудел. Под глазами залегли тени. Волосы были короче, чем в июне, рубашка застегнута до второй пуговицы. Он взял чемодан, а сумку перекинул через плечо.

— Тяжелая.

— Там мама положила банки.

— Сколько?

— Я не проверяла. Она прятала, пока я собиралась.

Он улыбнулся. Но уже через минуту посмотрел на часы.

— Тебе на работу?

— Отпросился до обеда.

— Я могла сама доехать.

— Я хотел тебя встретить.

Он взял меня за руку, и мы пошли к выходу.

На эскалаторе я смотрела на наши отражения в темном стекле. Мои длинные волосы после поезда спутались, под глазами наверняка были тени. Он стоял на ступеньку ниже, при-

державая мой чемодан. Раньше Андрей мог всю дорогу смеяться над тем, сколько ненужных вещей я беру с собой. Сегодня только спросил, хорошо ли я спала, и, услышав ответ, пообещал накормить меня вечером.

В метро я говорила почти без остановки. Про маму, которая встала раньше меня и настояла на завтраке. Про подругу, которая вчера прибежала попрощаться, хотя мы виделись весь вечер. Про то, что Катя приедет следующим поездом, ближе к полудню.

Андрей слушал. Иногда отвечал, но чаще смотрел на меня так, словно хотел убедиться, что я действительно рядом. Его телефон дважды звонил. Во второй раз он ответил, сказал, что будет после двух, и коротко объяснил, где лежит нужный файл.

— Ты там теперь всем нужен, — сказала я, когда он убрал телефон.

— Иногда они сами разберутся.

Он произнес это сухо. Потом заметил мой взгляд и коснулся губами моего виска.

— Рассказывай дальше. Что у вас на вокзале было?

Я продолжила, но слов оказалось меньше. Он тоже больше не спрашивал.

На переходе между станциями мы разминулись в толпе. Андрей вернулся за мной, хотя я была всего в нескольких шагах, и взял за локоть. Я вспомнила, как в начале нашего знакомства обижалась на собственное желание всякий раз искать его взглядом. Теперь он сам держался так, словно стоит отпустить, и я исчезну среди людей. Я хотела спросить, что с ним происходит, но на узкой лестнице вокруг толкались пассажиры. Решила дождаться, когда мы окажемся одни.

В общежитии вахтерша долго искала мое имя в списке. Андрей поставил чемодан у стены и снова посмотрел на часы. Я увидела это краем глаза и поторопилась назвать номер комнаты.

— Мне не срочно, — сказал он.

— Я ничего не говорила.

Наконец мне отдали ключ. Андрей поднял чемодан на третий этаж. В комнате было душно; Катина кровать пустовала, на подоконнике стояла моя старая кружка. Я открыла окно и задержалась у него.

Все лето я представляла, как вернусь сюда. Теперь комната казалась меньше, зато вещи сразу узнавали меня: скол на столешнице, неровная дверца шкафа, пятно от ручки на обложке тетради.

Весной я оставила на дверце шкафа открытку, купленную в тот день, когда мы с Катей едва успели на последний сеанс в кино. Она все еще висела на месте. Я дотронулась до ее уголка и подумала о том, сколько раз представляла наше с Андреем возвращение иначе: будто мы войдем вместе, бросим сумки и до вечера будем говорить обо всем, что не уместилось в телефонных разговорах. Но у Кати тоже был поезд и тяжелый чемодан. Я обещала встретить ее здесь. Это обещание не исчезало оттого, что я соскучилась по Андрею.

— Катя скоро придет, — сказала я. — Хочу дождаться, помочь ей.

Андрей сел на край кровати.

— А потом ко мне?

— Да. Я же обещала.

— Я думал, поедем сразу. Катя дорогу знает.

Я повернулась от окна.

— Мы договорились встретиться здесь.

— Я понял.

Он встал, подошел и обнял меня. Я прижалась к нему. На секунду снова стало так, как на платформе, когда больше никого не было видно.

— Я соскучился, — сказал он.

— Я тоже.

Мы стояли возле открытого окна. Он поцеловал меня, потом еще раз, а когда раздался стук в дверь, отступил с заметным усилием.

За дверью оказалась соседка по коридору. Она спросила, не видела ли я Катю. Я сказала, что та приедет позже. Андрей воспользовался паузой, чтобы проверить телефон.

— Мне надо все-таки съездить в офис, — сказал он. — Вечером зайду за тобой.

— Я сама могу приехать. Адрес у меня записан.

— Напиши, когда закончишь здесь. Я встречу у метро.

Он поцеловал меня в лоб и ушел. Я осталась у окна, слушая, как он спускается по лестнице. Шаги его я узнала бы среди любых других. Только сегодня они показались быстрее обычного.

Я достала из чемодана легкую кофту и повесила на спинку стула. Внизу хлопнула дверь. Несколько секунд я злилась на его телефон: на работу, которая сумела позвать его даже в день моего приезда. Потом посмотрела на пустую Катину кровать. Андрей ждал этого утра все лето. Я тоже ждала, но еще в поезде знала, что сначала вернусь в свою комнату. Мы ни разу не обсудили, как проведем этот день.

Катя приехала через два часа. Мы занесли ее вещи, съели яблоки, которые дала моя мама, и пересказывали друг другу лето в том порядке, в каком вспоминалось. Она показывала фотографии племянницы. Я пыталась объяснить, почему у Андрея теперь своя квартира, хотя сама там еще не была.

— Значит, увидимся нечасто, — сказала Катя.

— С чего ты взяла?

— Вы же будете там жить.

— Нет. Я только сегодня зайду.

Катя подняла руки.

— Я просто спросила.

Она взяла еще одно яблоко и разрезала его складным ножом, который всегда возила в дорожной сумке. Половину протянула мне.

— Ты какая-то тихая. Вы поссорились?

— Нет. Просто он теперь… очень занят.

Катя посмотрела на меня поверх яблока.

— Ну, он же закончил учебу. Ты знала, что так будет.

— Знала. Я думала, когда увижу его, будто этих двух месяцев и не было.

— И что?

Я откусила яблоко. Оно оказалось кислым, как все, которые мама положила в последний момент.

— Когда он меня обнял, перестала. Потом снова вспомнила.

Катя не стала утешать меня словами, от которых разговор обычно заканчивается. Спросила, достала ли я тетрадь, которую обещала ей летом. Мы стали искать ее на дне чемодана, и мне стало легче от того, что не нужно прямо сейчас решать, что означает этот день.

Я открыла шкаф и принялась раскладывать одежду. Андрей уже говорил о квартире зимой. Тогда я не дала ответа. Пока ехала в поезде, думала, что теперь он снова спросит. И не знала, что скажу.

К вечеру я устала. Андрей позвонил, когда я ставила книги на полку.

— Закончила?

— Почти.

— Встретимся через полчаса?

Я посмотрела на оставшийся чемодан.

— Через час.

Он согласился. Я убрала книги не торопясь, умылась, переоделась и сложила на ночь несколько вещей в дорожную сумку. Катя сказала, что будет читать, и пожелала мне хорошего вечера.

Квартира оказалась дальше от метро, чем я ожидала. Андрей ждал у выхода. Пока мы шли, он рассказывал, какую работу сегодня успел закончить и что собирается сделать завтра. В подъезде пропустил меня вперед и поднялся следом.

На площадке он достал ключ и вдруг замер.

— Не смейся, если там беспорядок.

— Ты же говорил, что прибирался.

— Вот поэтому и не смейся. Я плохо умею.

Вместо ответа я поцеловала его в щеку. Он повернул голову, поймал мои губы, а ключ еще несколько секунд оставался в замке. Мы рассмеялись одновременно. На лестнице это был прежний Андрей, с которым можно было пропустить нужную остановку, если разговор становился интереснее дороги.

Он открыл дверь. Я вошла.

Стол возле окна был новым. Или просто хорошо вымытым. На нем стояла лампа. У стены лежали аккуратной стопкой бумаги, от дивана к розетке тянулись несколько проводов. В комнате пахло краской и чем-то горячим, что осталось после ужина.

— Ну как? — спросил Андрей.

— У тебя светло.

— Утром солнце прямо сюда.

Он показывал квартиру с таким волнением, что я перестала замечать, как он устал. Открыл дверцу шкафа, тут же придержал ее рукой. Показал, где кухня, куда выходит окно, как открывается тугой замок.

На подоконнике стоял маленький горшок с растением. Я узнала его по фотографии окна, которую Андрей прислал в июле. Тогда я написала, что сюда можно поставить цветок.

— Ты запомнил?

— Ты сказала, будет хорошо смотреться. Я не знал, какой тебе нравится, выбрал этот.

Земля в горшке была влажной. Я коснулась листа. Он выбрал цветок, поливал его, искал для меня похожую кружку. Пока я дома собиралась с подругой к реке и отвечала на его сообщения между делом, он устраивал здесь место, куда хотел меня привести. От нежности у меня перехватило горло.

— Я боялся, что ты скажешь: тут невозможно жить, — признался он.

— Я такого не говорила.

— Еще не успела.

Я засмеялась. Он тоже.

На кухне стояли две кружки. Одна была белая, с синей точкой на дне. Я подняла ее и провела пальцем по гладкому краю.

— Нашел похожую.

— И правда.

— Я хотел, чтобы у тебя здесь была своя.

Он подошел сзади и обнял меня. Я повернулась в его руках, поцеловала. За прошедшее лето мне несколько раз снилось, как я снова могу вот так к нему прикоснуться. Сейчас это было наяву. Я держалась за его рубашку и не хотела отпускать.

Он отступил к дверному косяку, увлекая меня за собой. Я почувствовала под ладонью, как быстро бьется его сердце. За окном кто-то громко закрыл автомобильную дверь, и мы оба на секунду замерли, словно нас могли увидеть. Андрей улыбнулся той улыбкой, которую я помнила по нашей первой весне, и убрал волосы с моего лица.

— Ты правда здесь, — сказал он.

— Можешь проверить еще раз.

Он поцеловал меня, и на этот раз мы забыли про чай. Лишь когда чайник на плите стал шуметь, Андрей нехотя отпустил меня. Я осталась стоять у двери кухни, пока он наливал воду в кружки, и впервые за день не думала о том, сколько времени нам осталось до следующего звонка.

Потом мы пили чай на кухне. Он рассказывал смешную историю про коллегу, который уехал к клиенту без нужных документов. Я рассказывала, как мама незаметно доложила в чемодан вторую банку варенья. У Андрея наконец перестал звонить телефон.

— Оставайся сегодня, — сказал он.

Я посмотрела на часы. Было еще не поздно.

— Хорошо. Только утром мне надо к Кате.

— К Кате?

— Мы завтра вместе пойдем за учебниками.

— Я думал, ты побудешь здесь.

— Потом вернусь.

Он поставил кружку в раковину.

— Ты только приехала. Я тебя два месяца не видел.

— Я тоже тебя не видела. Потому и пришла к тебе сегодня.

Он обернулся. Я сразу пожалела, что ответила так резко.

— Ты права, — сказал он. — Я просто хотел целый день с тобой.

Я подошла, обняла его со спины.

— Вечером можем быть вместе.

Он накрыл мои руки своими. Я думала, на этом разговор закончился.

Пока Андрей мыл кружки, я принесла из прихожей свою дорожную сумку. В ней были зубная щетка, ночная футболка, блокнот, который я начала в поезде. Я собиралась взять только самое необходимое, чтобы утром без суеты поехать к Кате. Андрей увидел сумку у двери в комнату и поднял ее прежде, чем я успела снять обувь.

— Тяжелая. Ты что там возишь?

— Половину дома, по маминым меркам. Там еще банка варенья.

— Тогда завтра будем есть варенье на завтрак.

Он поставил сумку возле дивана. Я вспомнила, как весной мы обсуждали, что однажды сможем встречаться без вахтерши, которая стучит в дверь после одиннадцати. Теперь никто не собирался стучать. Я подошла и положила голову ему на плечо. Он обнял меня за талию, молча повел за собой к окну. Мы смотрели на чужие освещенные кухни напротив. Одна за другой в них гасли лампы.

— Мне сегодня было хорошо, — сказала я.

— Мне тоже. Я хотел, чтобы ты увидела все сама.

— Увидела. Ты столько здесь сделал.

Он чуть крепче сжал меня. Я почувствовала, как важно ему было услышать это, и решила, что утром мы поговорим спокойнее. Не в метро, не между его звонками и моей усталостью после поезда.

Перед сном Андрей освободил для меня половину полки в шкафу. Вынул оттуда стопку своих вещей и переложил на подоконник.

— Не надо, у меня ничего с собой нет.

— Будет.

Он сказал это легко, не оборачиваясь. Я стояла у двери и смотрела на пустую полку.

В общежитии у меня был свой стол, знакомая комната, Катя. Здесь я хотела провести ночь с человеком, по которому скучала все лето. Полка появилась прежде, чем я успела решить, нужна ли она мне.

Андрей закрыл шкаф, подошел и взял меня за руку.

— Что такое?

— Ничего. Я устала с дороги.

Он поцеловал мои пальцы.

— Идем спать.

Я пошла за ним. Мне хотелось сказать, что я рада быть здесь. Это было правдой.

Ночью Андрей долго не засыпал. Это было слышно по дыханию и по тому, как он иногда едва заметно касался моего плеча. Я повернулась к нему и сама прижалась ближе. Только тогда его дыхание выровнялось.

Но утром я все равно собиралась вернуться за учебниками и к Кате. Я не знала, услышал ли он меня.

Глава 8
Свое место

Утром я проснулась раньше будильника. Несколько секунд смотрела в незнакомый потолок, прислушиваясь к звукам из кухни. Андрей гремел посудой и тихо ругался на чайник.

Ночью он держал мою руку даже во сне. Под утро отпустил, перевернулся на другой бок, а я лежала и слушала, как за окном заводят машины. В комнате пахло его чистой рубашкой, краской у окна и чем-то подгоревшим с кухни. Я еще вчера решила, что после завтрака поеду к Кате, но сейчас мне хотелось хотя бы полчаса никуда не собираться.

На стуле лежала моя вчерашняя одежда. Я натянула джинсы, пригладила волосы ладонью и вышла к нему.

— Ты уже встал?

— Не хотел тебя будить.

Он поставил передо мной тарелку с поджаренным хлебом. Один ломтик был темнее другого. Рядом стояла белая кружка с синей точкой на дне.

— Считай, что это завтрак в честь твоего возвращения, — сказал он.

— Ты его готовил или спасал?

— Одно другому не мешает.

Я взяла ломтик потемнее. Андрей подвинул ко мне блюдце с вареньем из маминой банки и сел напротив. Солнечный прямоугольник лег ему на плечо. Вчера я заметила, как он похудел; теперь увидела, что у него появились привычки, которых раньше не было. Он сначала проверял телефон, только потом садился есть. Сейчас экран лежал рядом с тарелкой, но он ни разу не повернул его к себе.

Я откусила хлеб, обожглась чаем и засмеялась. Андрей смотрел на меня, опершись на стол. Вчера вечером между нами осталось что-то недоговоренное, но сейчас он был таким знакомым, что мне захотелось подвинуться к нему ближе. Я так и сделала и накрыла его ладонь своей.

— Во сколько вам за учебниками?

— К десяти.

— Значит, успеем еще выпить по чашке?

Я кивнула и спросила, где он держит сахар, и выяснилось, что он вообще его не покупал. Андрей говорил, что привык пить чай без сахара, я искала ложку в незнакомом ящике. На несколько минут его кухня стала местом, где можно было легко представить другое утро, потом еще одно. От этого стало и приятно, и немного боязно. Я не хотела, чтобы одно такое утро решило за меня все остальные.

— Провожу до метро.

Мы вышли вместе. У подъезда он поправил воротник моей куртки, хотя тот лежал ровно. Я поймала его пальцы и поцеловала.

— Увидимся вечером? — спросил он.

— Позвоню, когда освобожусь.

— Я приеду за тобой.

Он сказал это как предложение. Я кивнула, потому что хотела его увидеть.

В общежитии Катя сидела на кровати, окруженная раскрытыми коробками. На полу стояла еще одна, с книгами и чашками вперемешку.

— Выспалась? — спросила она.

— Почти.

— Андрей хороший?

Я присела рядом и помогла ей вытащить из коробки настольную лампу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.